

7Я

5. 2011

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Прадо в России

страница

19

Детям о смерти
и страданиях

страница

10

Дюма навсегда

страница

17

Чем кормить
малыша в жару

страница

36

журнал для родителей

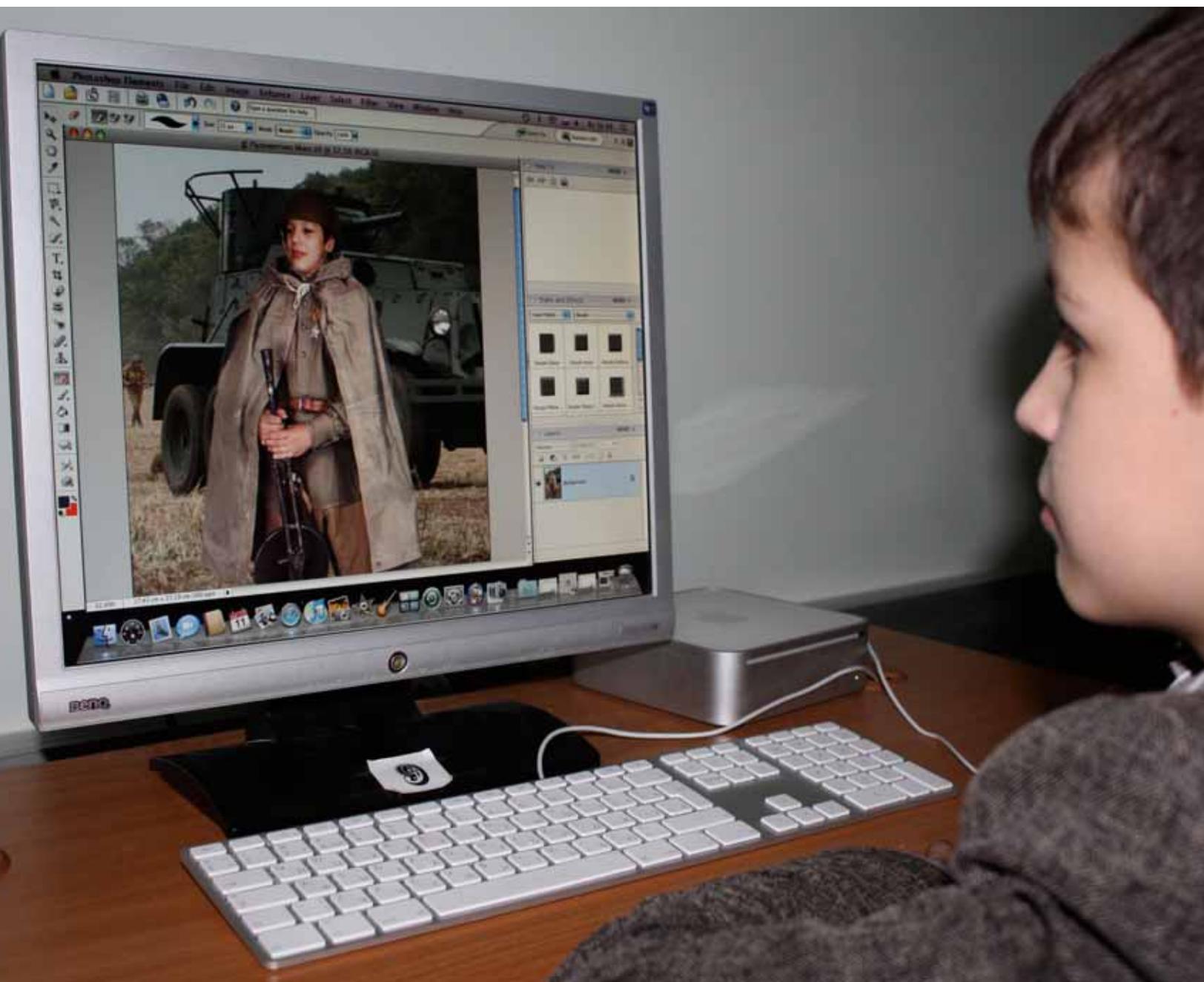

Фото Ильи Ципина

7Я

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

В оформлении обложки использована
картина Антонио Карнисеро «Подъем воздушного
шара в садах Аранхуэса» (1784, музей Прадо).
См. страницы 19–21

В номере:

Советы и рекомендации

Елена Никитина
**Главное дело.
Из чего состоит жизнь...**

6

Работа для родителей, учеба для их детей — как правило, действительно главное дело. Так, по крайней мере, считают многие...

Юлия Корчагина
Я больше так не буду

8

Статья психолога из цикла
«Трудно быть трудным»

Борис Бим-Бад
**Мои встречи с многоголкой
смертью в детстве**

10

Родители, не бойтесь говорить с детьми о страданиях и смерти: они всё поймут и потом будут благодарны вам

Повод к размышлению

Анатолий Бубнов
**С углубленной любовью
к ученику**

2

Педагогический коллектив в условиях нарождающейся рыночной экономики поставил перед собой цель: дать школьникам начальные экономические знания

Вокруг развития и воспитания

4

Новое о хорошо знакомом и еще не знакомом

Чтение

Мариэтта Чудакова
«Щелкунчик» Кончаловского

12

Мариэтта Чудакова
Дюма навсегда

17

Под рубрикой «Успеть прочесть»

Лия Осипова
Явление шедевров Прадо

19

Шедевры мадридского музея Прадо выставлены в залах Эрмитажа. Выставка проходит в рамках программы «перекрестного» года культуры России в Испании и Испании в России

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)

22

Продолжаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Наталья Демагина
Кухонный мальчик

Рассказ

28

Рафаэль. Дама с единорогом

40

Выставка одной картины всегда вызывает небывалый ажиотаж. Стоит вспомнить, как в Москву привозили «Джоконду» Леонардо — люди выстраивались в огромные очереди. В Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — еще один шедевр итальянского Возрождения

Домашние занятия

**Чем накормить малыша
в жару?**

36

Игры на свежем воздухе

37

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
**И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова**

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 5 (май) 2011
Подписано в печать 5 мая 2011 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 1800 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

Подписаться на журнал
можно с любого месяца
в любом отделении связи.

Электронные версии
вышедших номеров
размещаются
на сайте редакции
в последний день месяца,
которым датирован номер.

С анонсами
готовящихся к печати
номеров также
можно ознакомиться
на сайте редакции

С углубленной любовью к ученику

К своему нынешнему авторитету 240-я школа, что на северо-востоке столицы, шла долгим и не простым путем. В 1992 году педагогический коллектив в условиях нарождающейся рыночной экономики поставил перед собой цель: дать школьникам начальные экономические знания. Школа включается в учебный эксперимент. В 1999 году она обретает статус общеобразовательной школы с углубленным изучением экономики. 240-я интересна не только своим экономическим профилем. Если уж использовать термин «углубленность», то его не трудно заметить во многих сюжетах из ее жизни.

Союз ума и сердца

Если двадцать лет назад главным условием успешного обучения становилось мастерство учителя на уроке, то сейчас помимо этого требуются его умелые действия и за пределами классной комнаты.

В числе наших партнеров Государственный университет — Высшая школа экономики, Московский институт открытого образования, Московский педагогический государственный университет, Московский городской гуманитарно-правовой колледж... Поддерживаем связь и с другими организациями; так, работа учащихся «Безработица среди молодежи» была опубликована в трудах Вольного Экономического Общества России.

С участием партнеров и шефов проводятся различные экономические игры, конкурсы, ярмарки. Ученики успешно выступают в бизнес-фестивалях, обучающих играх «Я — инвестор» и «Я — предприниматель», проводимых «Школой бизнеса для молодежи».

Практикуется защита учениками экономических проектов. Эта индивидуальная работа выполняется под наблюдением старшего — учителя, родителя, а часто и вузовского преподавателя. Надо отметить, что над проектами работают не только старшеклассники, но и ученики начальных классов. И у них это получается очень даже неплохо.

Не все еще осознают темпы роста как самой информации, так и информационного пространства. Нелегко овладеть всем. Но ученик должен иметь представление о том, где это можно узнать, на каких полках это стоит или лежит. И для того, чтобы учитель смог поддержать потребности детей, ему самому надо быть более продвинутым по сравнению с учеником хотя бы на малую долю. Заместитель директора школы по информационным технологиям Ирина Владимировна Шапкина проводит коллек-

Как живут и учатся воспитанники одной московской школы

тивные и индивидуальные занятия. Помощь учителю оказывается до тех пор, пока он не будет свободно владеть техникой и необходимыми программами. В рамках профессиональной поддержки педагогов эта задача решена весьма успешно.

Г. А. Заводова,
директор школы

Пытливость подростка

Подростковый возраст характеризуется обилием вопросов «Почему?». Это лишь кажется, что подобные вопросы остаются в раннем детстве. Интенсивность подростковой пытливости не снижается, меняется только характер вопросов, их смысловая наполняемость. Именно в эту пору происходит переход от любопытства вообще к более утонченным формам интеллектуального интереса, например, к отысканию причин. Дети составляют к ярмарке бизнес-план. В общих очертаниях они могут это делать на основании раннее полученных знаний. Но у них возникает множество вопросов: в какую компанию лучше всего вкладывать деньги, как правильно составить бюджет, каков механизм его составления, что такое сертификат, в чем причина инфляции, что такое залог. Ответы на свои вопросы они находят совместно с учителями, родителями.

Для учащихся пятого — седьмого классов ежегодно проводится Осенняя ярмарка. Во время проведения «Осенней ярмарки» ученики и их родители продают выращенные своими руками овощи и домашние заготовки. Любимой игрой подростков становится игра «Ресторан». Ребята делятся на группы и «открывают» точку питания. В отдельном помещении оборудуются рабочие места продавцов, кассиров и места для посетителей. Каждая команда ставит перед собой цель: привлечь в свое заведение как можно больше клиентов. Решающее значение имеет качество и оригинальность представленного ассортимента. А это значит, что подготовка должна вестись заранее и серьезно. Мастерство нужно проявить кулинарам, дизайнерам, художникам. При этом должна быть показана высокая культура обслуживания с учетом знания

обычаев и традиций той страны, которую заявил ресторатор. Организация кафе «У Эйфелевой башни» потребовала от участников больших знаний — географических, этнических, языковых, сервисных.

В роли посетителей выступают учащиеся, учителя, родители, нередко даже рядом живущие жители. Товары предлагаются вполне реальные. Расчеты осуществляются тоже в реальной валюте — рублях.

Победителя определяет сумма выручки, но важно и качество обслуживания. Подсчитывается время пребывания посетителя в кафе: пришел, купил и ушел — или посидел, отдохнул, послушал музыку. Одним словом задержался, потому что понравилось.

Т. А. Тушминцева,
заместитель директора

Свобода получения информации

В свое время Зигмунд Фрейд рекомендовал пристальнее изучать «свободно плавающее внимание». Изучать то, что в наибольшей мере удовлетворяет потребности ученика в знаниях. Множество форм работы давно и активно используются в педагогической практике. Среди них — выступления родителей с рассказами о своих профессиях: воспитатель детского сада, медицинский работник, милиционер, танцор, бухгалтер, директор продовольственного магазина, певец, геолог, продавец-консультант, хоккеист, ветеринар, художник, редактор журнала... Список можно было бы продолжить.

Что это дает ребенку? Возможность расширить круг своих познаний об окружающем мире. Но не только это. Подобные встречи способствуют развитию таких социально желательных качеств как доброта, увлеченность, любовь к определенному делу. Они воспитывают общественное сознание, терпимость, дружелюбие, готовность приходить на помощь, быть справедливым.

Ученики получают глубокое удовлетворение, когда они вторгаются в большой мир. Вот почему очень важно предоставить им такие условия, при которых они получают возможность реализовать себя, проявить в себе то,

что заложено в них потенциально, что присуще каждому, на что он способен. И здесь важен индивидуальный подход, разумный, хорошо подготовленный эксперимент.

М. В. Рулев,
учитель информатики

Обучение через сотрудничество

Попад в коллектив сверстников, ребенок в той или иной степени начинает показывать свое превосходство, пусть в самых незначительных ситуациях. Вспомним литературную классику: «А у нас в квартире газ...». Задача учителя — перевести возникающее чувство соперничества в русло сотрудничества.

Возьмем, например, урок чтения. Учитель решает проверить уровень подготовки каждого ребенка: быстро читает или медленно, по слогам или схватывает целое слово. «Кто хочет начать первым?» — обращается он к детям. Тут же поднимаются лес рук. Желающие размахивают руками, вскакивают с мест, выказывая горячее намерение приступить к заданию и показать свои. Некоторые дети сидят спокойно, некоторые нервничают, опускают глаза, стараясь стать как бы невидимыми. Учитель делает выбор; часть учеников демонстрирует свое разочарование — их не вызвали, а часть получает облегчение — пронесло. Здесь «правит бал» жесткая конкуренция.

Здесь не решается задача укрепления коллективной сплоченности, взаимопонимания, поддержки друг друга. Наоборот, класс разединяется: успевающие ученики часто относятся к неудачникам презрительно, а плохо успевающие дразнят первых любимчиками, становятся завистливыми и обидчивыми.

Как же решается эта проблема? В классе три ряда парт, в каждом ряду по восемь человек. Их объединяют в команду «Соколы». По такому же принципу создаются команды «Орлы» и «Стрижи». В чтении участвуют все. Задача состоит в том, чтобы прочитать текст, равнозначный по сложности и объему. Важно уложиться в отведенное время. Участвуют все без исключения, но при серьезном отставании можно передать роль чтеца лучшему, чтобы он сократил разрыв. Сколько эмоций, переживаний, радости проявляют участники команды! Точно уж один за всех и все за одного. Концепция «обучение через сотрудничество» является весьма эффективной. Усилия, направленные на достижение общих целей, приводят к очевидному результату: прекращаются словесные баталии, исчезает неприязнь друг к другу, появляется взаимовыручка. Одним словом, происходят заметные перемены. Такие, когда ученики начинают

считать друг друга союзниками, хотя раньше видели только соперников.

С. Е. Тулаева,
учительница первого класса

«День семьи»

«День семьи» проходит в школе ежегодно. Школе важно, чтобы родители не были безучастными наблюдателями. А это возможно только в том случае, если они становятся действующими лицами того, что придумано и заведено школой. Такие акции, как «Милосердие», «Спешите делать добро», «Стань Дедом Морозом и Снегурочкой» просто невозможны без родительского участия, причем деятельного, активного.

Есть в нашем Северо-Восточном округе детский дом ребенка № 23. Наши ученики совместно с родителями собирают подарки для сирот и отправляются в детский дом делегацию из числа родителей и учеников. Классный руководитель Валерия Рождественская звонит в детский дом и спрашивает, в чем сейчас нуждаются дети. Такая же акция проводится для детей детского дома Сергиево-Посадского района. Важно, что это происходит при поддержке родителей.

Мы перечисляем деньги маленьким пациентам Центра лечения детей больных раком крови. И уже не один год. Конечно, передаваемые деньги не такие уж большие. Да и собранные подарки недороги. Но важен ведь не только факт материальной поддержки.

В. Б. Титс,
заместитель директора

Не забывать о прошлом

Серьезная работа проводится в школе в плане исторического воспитания. Учащиеся воспитываются не только на больших исторических событиях. Говорят, в старину даже ржавый гвоздь в хозяйстве не валялся брошенным. Нынче же и гривенник нипочем. Или такой пример. «Вот буду знаменитостью — стану брать по 15 копеек за строчку», — сообщает молодой Чехов в письме к брату. А пока издатель журнала «Осколки» платит ему по 6 копеек за строку. Это обстоятельство отравляет жизнь писателю, но тем не менее он решительно отказывается от каких бы то ни было торгашеских сделок. У Чехова никогда не было ничего похожего на роскошь: ни карт, ни шампанского, ни хоромов. К лицу ли нам забывать наше давнишнее и недавнее прошлое?

О. В. Протасова,
учитель истории

Исповедальный кабинет

В кабинет психологии любят заходить родители. Не стесняясь, при-

ходят и ученики. Что приводит сюда и тех, и других?

Безусловно, возникающие проблемы.

С юным человеком надо обмениваться мыслями, а не криком. Мы стараемся убедить родителя избегать монолога при возникновении споров. Тем более недопустим «объединенный родительский монолог», когда одну сторону представляет ребенок, другую — сплоченная семья. В подобной ситуации родители скорее всего говорят только для самих себя.

Правило здесь простое, как и совет, который дается родителям: общайтесь друг с другом на равных, и тогда взаимопонимание найдет свой путь к обеим сторонам. Спор родителя с ребенком должен быть таким же, как и спор взрослого с взрослым. Только тогда он станет тем, чем становится у взрослых, то есть обменом точек зрения при условии максимальных мотивировок.

О. В. Волкова,
психолог школы

Мы и наши деньги

«Мы» — это группа родителей, учредителей специального независимого от школы фонда, а «наши деньги» — это средства, поступающие на счет фонда. Но прежде хотелось бы объяснить с читателем у которого, возможно, уже возникла настороженность, связанная со школьными поборам и с родителей. Проблема не новая и не сегодня возникшая. Она то затухает, то обостряется. Мы в школе упредили ситуацию несколько лет тому, создав *общественный фонд в поддержку школы*. Собралась инициативная группа родителей. Зарегистрировали фонд, как и положено всякой некоммерческой организации, получили банковский счет, изготовили печать, другие подотчетные документы.

Теперь с наличными деньгами дела не имеем. Все средства поступают на счет, все деньги расходуются в соответствии с решениями совета фонда. Откуда берутся деньги? Из разных добровольных источников: спонсоры, родительские пожертвования. Как тратятся поступления? Разным образом: на однодневные экскурсии, подарки детским домам, приобретение наград для победителей интеллектуальных конкурсов и спортивных соревнований. Нужды, безусловно, превосходят поступления. Но обойденных нет. Без денег не обойтись. Школе в том числе. Важно разумно собрать средства и разумно их потратить, используя на благие цели.

С. Э. Антонов,
президент общественного фонда
в поддержку 240-й школы,
С. Г. Романовский,
председатель попечительского
совета школы

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Человек — биологическая стройплощадка

Если бы современный человек встретился сегодня со своим пращуром, он вряд ли подумал бы, что они относятся к одному виду. Какие внешние изменения обратимы, а какие — нет? Разница между современным человеком и его предком из каменного века, пишет немецкая «Ди Вельт», не только в росте, но и в чертах лица. Нашим пращурам приходилось много жевать, поэтому у них были более развитые челюсти. Термическая обработка продуктов и их измельчение привели к тому, что челюсти современного человека стали заметно уже. Регрессия жевательного аппарата продолжалась в течение нескольких тысячелетий. Для эволюционного процесса это очень маленький срок. Катализатор эволюции — цивилизация. Она вызывает серьезные изменения окружающей среды и требует от живых существ ускоренного приспособления к ним.

Одни из этих изменений исчезли бы, вернулись мы к образу жизни ка-

менного века. Другие — крайне стабильны. Так, большинство европейцев еще семь тысяч лет назад не переваривали молочный сахар. Возможно, с развитием сельского хозяйства в геном закрепился дефектный ген, позволяющий переваривать молоко, и теперь он уже никуда не денется.

Зато избыточный вес, характерный для европейцев и американцев, быстро бы исчез, если бы они больше двигались и потребляли бы меньше калорий.

Цивилизация отражается и на гормональном фоне человека. В каменном веке женщины большую часть своей жизни либо были беременны, либо кормили, что отражалось на уровне содержания эстрогенов. Сейчас там, где женщины мало рожают и мало кормят детей грудью, высокий уровень женских половых гормонов — одна из главных причин того, что каждая восьмая женщина заболевает раком молочной железы.

В человеческом организме прорастают новые сосуды и исчезают старые. Так, еще недавно срединная артерия в руках, имеющаяся у каждого из нас во время внутриутробного развития, у большинства после рождения рассасывалась. В начале XX века она присутствовала примерно у 10 процентов взрослых людей; спустя сто лет таковых уже 30 процентов. Очевидно, с эволюционной точки зрения дополнительное кровоснабжение оказалось рациональным.

Как будет выглядеть человек будущего?

Возможно, у женщин почти исчезнет грудь (слишком высок риск рака), а у мужчин, сидящих за письменным столом, уменьшится мышечная масса. Ноги могут стать короче, а челюсти — еще уже. С языка уйдут рецепторы, отвечающие за распознавание горького вкуса, потому что пищевая промышленность пренебрегает этим вкусовым оттенком. Близорукость превратится в эпидемию.

Однако, возможно, все будет совсем по-другому. Ведь основной двигатель эволюции — это нецелевая мутация в геноме, так что итог может оказаться очень неплохим.

Ночная жизнь бурлит в городе

Бессонная элита

Немногочисленное меньшинство людей — возможно, всего лишь 1–3 процента населения Земли — может обходиться почти без сна, сообщает «Уолл Стрит Джорнал». Эти люди являются «жаворонками» и «совами» одновременно: обычно ложатся спать за полночь, а всего через несколько часов вскакивают и весь день сохраняют бодрость. При этом они не нуждаются ни в дневном сне, ни в кофе.

По словам специалистов, такие люди энергичны, общительны, оптимистичны и амбициозны. Иногда привычка спать мало появляется у них еще в детстве. Особенность часто передается по наследству. Неясно, все ли «бессонные» добиваются больших успехов в жизни, но времени, которое остается после сна, у них действительно больше; они находят себе более интересные занятия, чем сон, часто делают по несколько дел одновременно.

Сколько на свете «бессонных», никто в точности не знает. Очень многие лишь считают себя таковыми. Из каждых 100 человек, полагающих, что им нужно всего пять-шесть сна в сутки, на деле таковых всего пять. Остальные страдают от хронического недосыпания. В целом медики рекомендуют спать по 7 часов в сутки, но треть взрослых американцев спит меньше.

Почему они так одеваются?

Почему современные эмансипированные американки разрешают своим 12–14-летним дочерям одеваться в стиле проституток? — вопрошает писательница Дженифер Мозес. Она описывает, как девочки в мини-платьях и на шпильках с сильно накрашенными глазами подправляют макияж в дамском туалете и сплетничают, а затем возвращаются на танцпол. «И трясут всем, что у них есть, в лучах прожекторов». Но трясти им по большей части нечем — этим тусовщицам 12–13 лет.

Почему родители потакают подобным вкусам? «Это явление обусловлено тем, что наше поколение женщин очень неоднозначно относится к своему прошлому», — пишет Мозес. Одна ее знакомая, мать двух взрослых дочерей, сказала: «Если бы я начала жизнь сызнова, то даже со своим собственным мужем не спала бы до брака... Мы — первые матери в истории, выросшие в период, когда противозачаточные средства были легкодоступны. Мы первые не просто освободились от старомодного страха за нашу репутацию, но и ощущали на себе давление ровесников и культуры в целом: мол, подлинную женственность надо искать в спальне.

И теперь женщины этого поколения не знают, как разъяснить сыновьям и дочерям, что не стоит так легко идти на интимные отношения. «Нам неудобно об этом говорить, и мы не хотим показаться ханжами, боже упаси», — замечает автор. Между тем, опросив своих знакомых, Мозес ни разу не услышала: «Жаль, что я мало экспериментировала», — наоборот, все смотрят на свое интимное прошлое с некоторой неловкостью.

Если же спросить девочек-подростков, почему они носят откровенные наряды, услышишь: «А что в этом особенного? Такая мода». То же самое Мозес в юности говорила своей маме.

«Конечно, в последние годы случайные сексуальные связи поднялись на новый уровень: 10-летние пишут друг другу “секс-sms”, подростки и студенты практикуют “перепихоны”, практически все СМИ — непрерывный поток полупорнографии. Разнообразный интимный опыт — чем больше, тем лучше — нынешняя социальная норма», — пишет автор. Мозес подчеркивает, что не хотела бы вернуться во времена корсетов или двойных стандартов, когда случайные связи прощались мужчинам, но не женщинам. Но родители фактически говорят своим дочерям: «Переспи с кем-нибудь!», когда позволяют им носить откровенную одежду, предостерегает она.

Мы разрешаем им так одеваться

Феномен природных «бессонных» изучен крайне мало: они не считают свою особенность болезнью и редко обращаются к врачам по ее поводу. Из некоторых исследований следует, что некоторые бессонные, возможно, страдают гипоманией — легкой формой маниакального расстройства, для которого свойственна раскованность и стремительный бег мыслей.

Научиться обходиться недолгим сном пока нельзя. Но ученые надеются, что при изучении «бессонных» они лучше поймут механизмы регулирования сна и разберутся, почему разные люди нуждаются в сне разной продолжительности.

Для большинства взрослых норма — 7–9 часов сна, для детей — 8–12 часов, для стариков — 6–7. Хроническое недосыпание повышает риск диабета, ожирения, гипертонии и других заболеваний. Ученые выявили у двух «бессонных» генетическое изменение.

Изучая людей-«жаворонков», они подметили, что некие мать и дочь обычно встают в 4 утра, но спать ложатся после полуночи. Удалось повторить эту же вариацию гена у мышей, и обнаружилось, что эти мыши тоже нуждаются в менее продолжительном сне, чем обычные.

Как понять, являешься ли ты природным «бессонным»? Такие люди спят по пять-шесть часов в сутки даже в отпуске или в выходные, когда не нужно вставать рано. Насильственное лишение сна вызывает у большинства людей ворчливость, но, как ни странно, может также провоцировать временное чувство эйфории. Те молодые люди, которые не

спали целые сутки, оценивали показываемые им картинки как более приятные, чем те, кто спал нормально.

По мнению ученых, бессонная ночь повышает выработку дофамина, регулирующего чувство удовольствия, а также наркотические зависимости. Это объясняет, почему лишение сна может облегчать симптомы депрессии примерно у 60 процентов пациентов, хотя эффект наблюдается временный.

Ранее исследования показали, что при лишении сна активизируется мозжечковая миндалина — примитивный центр эмоций в мозгу, зато подавляется активность предлобной коры головного мозга, отвечающей за рациональное мышление. Это опасно, когда работа требует и долгого рабочего дня, и принятия сложных решений.

Пока найдено всего два десятка настоящих «бессонных». От среднестатистических людей их отличает приподнятое настроение и обмен веществ; они более стройные, чем среднестатистические люди, хотя недосыпание обычно повышает риск ожирения. Они также легко выносят физическую боль и психологические травмы. Натолкнувшись на препятствие, встают и делают вторую попытку.

Судя по историческим документам, Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон и Леонардо да Винчи были слишком занятыми людьми, чтобы тратить много времени на сон. Томас Эдисон и Уинстон Черчилль тоже мало спали по ночам, но любили ненадолго вздремнуть днем.

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной печати
и радио)

Трудно быть трудным

Я больше так не буду

Юлия Корчагина

Мое «первое сентября» случилось первого марта — когда я выписалась из больницы после месяцев операций, процедур и восстановительного лечения. Я уже могла ходить и сидеть; прыгать и бегать доктора пока запрещали.

В школе я чувствовала себя неуверенно: меня пугал шум перемены, строгость учителей, непринужденная веселость одноклассников. Типовое трехэтажное школьное здание казалось мне огромным и запутанным.

Сильно стесняясь, я не отпрашивалась в туалет во время урока, когда школьные коридоры были пусты. На перемене я пробиралась туда вдоль стены, избегая опасного хаоса. Врач сказал, что меня нельзя толкать во избежание серьезных последствий — то ли снова могут поломаться не до конца зажившие кости, то ли сдвинется что-то в поврежденном позвоночнике...

Когда я наконец появилась в школе, всех друзей уже «разобрали». Мне досталось место на последней парте рядом с остроносой и неопрятной девочкой Оксаной. На уроках она старательно закрывала локтем свою тетрадку и бесцеремонно брала из моего пенала то зеленую ручку, то карандаш, то ластик. Подруг у нее не было, у меня — тоже.

Каждый день после четвертого урока возле школьной раздевалки меня встречала моя старенькая бабушка Нина. Каждый день я чувствовала себя немного неловко — особенно когда бабушка подавала мне пальто и, низко нагнувшись, застегивала мои сапоги. «Мне нельзя наклоняться», — каждый день объясняла я несчастным голосом всем, кто смотрел на нас с недоумением, презрением или возмущением. Потом бабушка забирала у меня ранец и сумку со сменной обувью, и мы медленно шли домой.

Я действительно была слабым ребенком. Мама постоянно «показывала» меня разным докторам, старательно записывая их рекомендации в специальный блокнот.

В дошкольном возрасте я перенесла почти все детские болезни: и ветрянку, и свинку, и корь, и краснуху, и скарлатину. Я быстро уставала и часто болела ангинами с высокой температурой. У меня было нарушение осанки и плоскостопие. Мое питание было диетическим: каши, бульоны,

паровые овощи и протертое мясо. Мороженое, на покупку которого иногда соглашались мама, подавалось мне в разогретом виде.

Во время прогулок мама зорко следила за мной и подзывала к себе каждые пятнадцать минут. Она производила осмотр: снимала и вновь надевала на меня шапочку, расстегивала и застегивала кофту, интересовалась, не хочу ли я в туалет, и вытирала мою вспотевшую спину полотенцем. Несмотря на ее старания, я непременно заболела, даже просто слегка простудившись.

Для того чтобы подправить мое здоровье, мама регулярно отправляла меня в специальный санаторий — иногда по два или даже по три раза в год.

В санатории мне нравилось гораздо больше, чем в школе. Там было хорошо.

Санаторные дни были плотно заняты мероприятиями, посвященными здоровью.

Между утренним и вечерним заходами температуры умещались ежедневные осмотры врача, занятия лечебной физкультурой, походы строем в медицинский корпус.

Мы по-детски искренне завидовали тем, чье заболевание требовало более серьезных и интересных процедур, чем прогревание и массаж. Я, например, мечтала оказаться в комнате под названием «Грязевая», но доктора так и не пропустили мне эту полезную серо-черную жижу. Ингаляции, впрочем, тоже были неплохи. В большом зале пахло горячими влажными травами, а добрая медсестра Надя следила за тем, чтобы мы правильно дышали.

Санаторий работал круглый год. Осенью, зимой и весной мы учились в санаторной школе. Школа мне нравилась: уроки в ней длились всего тридцать минут вместо обычных сорока пяти, а на переменах мы выходили на свежий воздух или сидели на мягких диванах в комнате отдыха среди цветов и картин. С учетом состояния нашего здоровья, учителя старались не «загружать» нас занятиями. Даже в средних классах мы обходились четырьмя-пятью уроками в день, и получить хорошую оценку было нетрудно. К сожалению, санаторное счастье длилось не вечно: через полтора месяца мы возвращались в обычную жизнь, в свои дома, в свои школы.

Здесь, в обычной жизни, всё было не так: другие разговоры, другие развлечения, другие проблемы. Этот переход давался мне тяжело. С учебой

я справлялась неплохо, а вот общение со сверстниками не ладилось, мои попытки завести с ними беседу были неуклюжи и неестественны.

К здоровью здесь относились проще. Никто из детей не проникался сочувствием, когда на перемене я говорила, что у меня болит сердце. Только в первый раз всё получилось как надо: меня окружили девочки, они сидели рядом со мной, заглядывали в глаза и держали за руку. Мне нравилось беспокойство на их лицах и тревожные вопросы: сильно болит? ещё не прошло? Они даже отвели меня в кабинет школьной медсестры, которая положила меня на кушетку и немедленно вызвала маму.

Во второй раз было уже не так. Одноклассникам быстро надоело изображать сестер милосердия, и они просто сказали учительнице, что я, наверное, заболела. Классная руководительница Наталья Константиновна не смогла дозвониться до моей мамы и вызвала «Скорую помощь».

В общем, в школе я оставалась в одиночестве. Скоро я привыкла к этому и на несколько лет погрузилась в мир фантазий. В этом мире у меня были свои простые девчоночьи радости: например, я придумала себе друзей: подружку Алису, друга Женьку и собаку Инку. Про них никто не знал, они всегда были со мной, и с ними я никогда не скучала. Еще я любила гулять в одиночестве, много читала, писала наивные стихи и рассказы в тонких зеленых тетрадках. Окружающие считали меня... ну, странной немножко. Но особенно не трогали, обходили стороной.

Я хорошо помню день, когда всё изменилось. Я шла из школы, поглощенная своими обычными фантазиями. И вдруг почувствовала, как на самом деле тесно в этом придуманном мной мире. Он показался таким смешным и детским — я как будто разом выросла из него и с удивлением оглядывалась вокруг: где я? кто я? Видимо, с некоторым опозданием я стала превращаться в подростка. Мир вокруг перестал казаться мне серым. Он стал цветным и очень привлекательным. Обещающим. Как предпраздничная суета, как рекламные огни, как солнечный день.

Меня охватила эйфория. Мне казалось, что в этот день со мной произошло нечто особенное. Такое, что окружающие увидят меня — измененную — и воскликнут: ого! а мы-то не замечали!

Если бы только это стало возможным! Увы, очень быстро выяснилось, что годы одиночества не прошли даром. В общении я была диковата и неловка. Мой внутренний мир не был интересен никому, кроме меня самой, и я не знала, каким образом я могла бы

Юлия Владимировна Корчагина, кандидат психологических наук, клинический психолог, старший научный сотрудник Московского педагогического института

приблизиться к другим девочкам и подружиться с ними.

Скудный жизненный опыт не давал мне возможности выразить внятные слова свои переживания. Это было похоже на смесь зависти, страха, болезненного любопытства и надежды. Но неизвестно откуда взявшаяся решительность и упрямое желание получить пропуск в этот заманчивый мир подсказали мне простое решение.

Мое свободное время — следствие одиночества — оставляло много простора для занятий, и училась я хорошо. Я стала широко делиться своими возможностями: позволяла списывать сложные задачи, объясняла непонятные темы, выручала на контрольных работах. Так я заслужила благосклонность самых «статусных» девочек в классе, и скоро настал счастливый момент — прекрасная Марина пригласила меня после уроков посидеть «на нашем месте». У меня всё замерло в груди: «их место» могло теперь стать и моим.

«Местом» были две потертые лавочки, расположенные одна против другой и надежно скрытые в кустах. Именно на «нашем месте» Марина и предложила мне мою первую сигарету — как нечто естественное, очень дружеское и предназначенное только для «своих». Сигарета была знаковой. Это была сигарета-приглашение, сигарета-доверие, сигарета-испытание, сигарета-инициация. Я согласилась. Согласилась сквозь страх, сквозь стыд, сквозь вину, согласилась с надеждой, с восторгом, с радостью. Курила под внимательными взглядами, слушая инструкции новых подруг. Справилась.

В общем-то самое главное было сделано. В школу я теперь ходила с радостью.

Мы делились сигаретами, мы придумывали, как проскользнуть незамеченными мимо школьного охранника. Я отважно курила в школьном туалете, не страшась директора. Это было неизменное общее дело на каждый день: купить сигареты, выбраться на перемене из школы и попасть обратно. И не потому, что так уж хотелось курить. Это было общее, это было особенное, это было тайное и возвышающее над другими девочками. Непередаваемое ощущение.

Я жадно впитывала всё, что они говорили. Это у них я училась общаться и держать себя так, как общаются и держат себя свободные, уверенные в себе девочки. Получалось, в общем-то плохо. Но я была способной ученицей — день за днем, неделя за неделей я присматривалась и прислушивалась. Запоминала модные выражения, узнавала секреты макияжа, училась не краснеть и «не лезть за словом в карман», слыша грубости от сверстников

и старших. Я смеялась как Таня, причёсывалась как Вика, шутила как Марина, ругалась как Света.

С торжеством и презрением победителя я смотрела на тех, кто остался позади. Но я знала, что этого мало. Я была пока лишь слабой тенью моих новых подруг. Я должна была двигаться дальше. И я двигалась!

Как-то раз после школы мы снова сидели на «нашем месте». Кажется, был чей-то день рождения; старшие мальчики принесли бутылку вина, а я немного выпила. Совсем чуть-чуть — потому что, несмотря на мои семнадцать лет, это случилось впервые. Алкоголь оставил после себя необыкновенно острое и приятное чувство — словно наконец-то навели резкость на окружающий мир; ожила и наполнилась радостными искорками реальность моего тела. И когда один из мальчиков сел рядом и обнял меня за талию, я поняла, что никогда раньше у меня не было столько счастья. Я любила своих подруг; я любила весь мир, и этого мальчика любила тоже — еще не зная, как его зовут.

А потом случилось ужасное.

Видимо, кто-то «донес» на меня маме — или она сама, почуввав неладное, решила за мной проследить. Я не знаю, сколько времени мама оставалась невидимой за кустами. Она появилась перед нами неожиданно, и я продолжала некоторое время улыбаться, глядя на нее и еще не понимая, что произошло. А потом она схватила меня за волосы и стала бить сумкой по спине, одновременно волоча с лавочки. Она рыдала и кричала что-то моим друзьям, я пыталась вырваться и тоже кричала в ответ ужасные слова, но всё было бесполезно. Даже крича и вырываясь, я как-то четко понимала: это конец. Всё закончилось и ничего больше не будет.

На следующий день мама повезла меня к знакомому врачу, который выслушал всю историю, «поцокал» языком и без разговоров выписал мне направление в больницу.

Больница была каким-то особым миром, наполненным тихим страданием.

Моей соседкой по палате была девушка Зоя. Каждого, кто заговаривал с ней, она обязательно спрашивала лишенным эмоцией, монотонным голосом: «Ты знаешь улицы Кирова? А Мишу с улицы Кирова?» Она любила какого-то Мишу с улицы Кирова, а когда он бросил ее — пыталась умереть, но не умерла. Теперь она всем говорила про Мишу с улицы Кирова и очень хотела ему позвонить. Целыми днями, пока ей не делали очередной укол.

В больнице был свой ритм жизни, очень неспешный. Если ему не противиться, то очень быстро, на вто-

рой или на третий день, он проникает в тебя, внутри растекается вязкое спокойствие, и ты почти перестаешь замечать, как идет время. Ты начинаешь почти любить эти стены и эту кровать. Проснувшись до подъема, начинаешь ждать приема лекарств. Смотришь в окно на деревья, ловишь ладошкой солнечные пятна, пробивающиеся в палату сквозь листву. И то, что привело тебя сюда, кажется далеким и почти нереальным.

Здесь были и свои радости: полить цветы в коридоре, или убрать посуду после обеда, или вместе с санитаркой отнести в прачечную постельное белье. Идешь рядом с ней по улице, толкая перед собой каталку с огромными тюками. Медленно, чтобы почувствовать каждый вдох, каждый шаг по асфальту. Потом обратно. И совсем не думаешь о том, имеет ли это большее или меньшее отношение к жизни, чем раньше.

Я хорошо чувствовала и понимала этот больничный ритм. Он был знаком и понятен мне с самого детства. Когда я закрывала глаза, мне казалось, что вот сейчас, после процедур, мы пойдем в санаторную школу.

Подруг я не вспоминала, домой не хотела, с приходящей на «свидания» мамой разговаривала ровно и спокойно. Врач одобрительно кивал головой.

Выписали меня через два месяца. В своих подругах — Марине, Свете, Вике и Тане — я ничего не знала. Думаю, что мама запретила им «трогать» меня — они не звонили и не писали, и я тоже не пыталась выйти с ними на связь. Меня перевели в другую школу, но ездить в нее я не смогла. На улице (и особенно среди людей) у меня перехватывало дыхание, а сердце начинало стучать невыносимо часто и громко. Врач дополнил мой диагноз словами «панические атаки», и школу я закончила на «домашнем обучении». Вопрос с продолжением образования пока не обсуждался.

Иногда моя болезнь проявляла себя ночными кошмарами. Один из них — про маленькую девочку, будто бы мою дочку. Мне ужасно жаль эту тихую и нежную малышку: в моем сне ей грозит какая-то опасность, и я стараюсь укрыть и спасти ее. Я прижимаю ее к себе так сильно, что просыпаясь, понимаю — я задушила ее...

В другом сне опасность грозит мне самой. Огромное чудовище с человеческим лицом тянет ко мне свои руки. Я пытаюсь убежать, но эти руки хватают меня, рвут на мне одежду и царапают тело, тянут к себе. Я знаю, что оно хочет меня проглотить, я сопротивляюсь, что-то кричу и пытаюсь увидеть его лицо. Мне почему-то очень важно увидеть это лицо, но чудовище отворачивается, продолжая тянуть

Главное дело Из чего

Елена Никитина

Отвечая на вопрос: «Чем занимаешься?», взрослые обычно начинают рассказывать о работе. Для детей школьного возраста этот же вопрос подразумевает отчет об оценках и выученных уроках. Оно и справедливо: работа для родителей, учеба для их детей — как правило, действительно главное дело. Так, по крайней мере, считают многие...

Впервый класс Лиза поступала опытной спортсменкой. Большой теннис оказался идеальным занятием для реабилитации прооперированных глаз. К тому же папа вдруг вспомнил, что когда-то тоже посещал корт и подавал надежды, только вот значимых — в его понимании — успехов не достиг; ракетка была повешена на гвоздь. Появление дочки с врожденной патологией глаз всколыхнуло былые амбиции. Предполагалось, что Лиза обязана быть отличницей во всем — папа как-никак доктор наук, профессор. Учеба давалась девочке достаточно легко, все домашние задания успешно выполнялись на переменах.

меня своими скрюченными руками, и ужас парализует меня все больше...

Ночные кошмары всегда заканчивались бессонницей, и я до утра могла лежать, глядя сухими глазами в потолок и ожидая рассвета. Но обычно я брала с тумбочки лекарство и скоро засыпала, погружаясь в теплое, мягкое облако. Сны забывались.

Несмотря на болезнь, моя жизнь продолжалась. Я много читала, готовила еду и помогала по дому. Вечерами мы с мамой гуляли — в основном в парке рядом с домом.

Неожиданно для себя я стала часто ходить в церковь. В платке и длинной юбке я подолгу стояла перед иконами и с удовольствием повторяла певучие слова.

Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице!.. Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну, окорми мя яко странна.

По какой-то молчаливой договоренности мы никогда не обсуждали случившееся. Дома было спокойно, и недавно мама снова стала улыбаться.

Я больше не сделаю ей ничего плохого.

СОСТОИТ ЖИЗНЬ...

С теннисом было сложнее. Постепенно посещение Лизой уроков стало напрямую зависеть от расписания тренировок — их начало могло быть назначено и на час дня, а на дорогу требуется полтора часа; от сборов и соревнований — нередко в других городах или даже за границей; от телевизионной трансляции матчей Кубка Кремля или Уимблдона. Наблюдения за мастерами сами по себе являются отличной тренировкой. Игру невозможно смотреть в записи, придя из школы, — впечатление совершенно не то. Так, по крайней мере, считают родители. И освобождают дочь от посещения занятий, вместо русского-математики усаживают ее перед телевизором. Правда, на оценках это отражается не сильно — даже на «зарубежные гастроли» Лиза улетает с учебниками. Маму, сопровождающую дочь во всех поездках в ущерб собственной диссертации, возмущает только одно: в школе почему-то отказались освободить дочь от уроков физкультуры на основании справки об ее серьезных занятиях спортом. Всех других детей из этой теннисной секции в школах и с физкультурой не напрягают...

Одноклассники и учителя относятся к Лизе всё прохладнее. Однако ее это не сильно беспокоит: ощущение собственной исключительности с лихвой компенсирует неприязнь окружающих, тем более что выказывать ее открыто девочка поводов обычно не дает. Да и к чему тратить эмоции на школу: ведь главные события жизни происходят после уроков...

Примерно по такому же графику, посещая школу «по остаточному принципу», живет и Лизина одноклассница Варя. Только она занимается синхронным плаванием. Об успехах свидетельствует форма олимпийской сборной, в которой девочка ходит в школу. Варю нередко можно встретить идущей домой после третьего-четвертого-пятого урока, хотя в седьмом классе, где учатся эти юные спортсменки, меньше шести уроков не бывает никогда, а нередко семь или даже восемь — их класс «с дополнительным образованием», и родители имеют возможность прикупить детям математику или английский сверх программы. А вместо этого некоторые дети на вроде бы законных основаниях лишаются даже обязательных уроков.

У Лины вопрос о продолжении обучения в обычной школе встал уже после второго (!) класса. Ее отдали в школу фигурного катания, принадлежащую известному чемпиону, и девочка оказалась неожиданно перспективной. Тренеры поставили вопрос ребром: ради совершенствования в катании надо за-

бирать ее из общеобразовательной школы. Целое лето родители думали. Кажется, в третий класс она все-таки пошла...

Подобных примеров — масса. Многие родители, решившие твердо обеспечить будущее своих детей, отдают их в спорт. Но есть школьники, которым мешают учиться другие «профессиональные» занятия: искусством или, допустим, журналистикой.

Когда-то спортивные секции и внешкольные кружки были хорошим подспорьем школьным педагогам. Тренеры и руководители просто не допускали до занятий двоечников и прогульщиков, вынуждая их подтягивать успеваемость и дисциплину. Сейчас же сколько-нибудь серьезное внешкольное занятие учиться скорее мешает, чем помогает, причем именно из-за временных нестыковок.

Артему очень хотелось учиться в художественной школе. Уговорить маму ему удалось только во втором классе, и то где-то к декабрю. В художественной школе его встретили без энтузиазма: мальчик и мама пришли во всех смыслах поздно. На принесенные работы завуч даже не посмотрела — способности ребенка ее не интересовали, — однако списки классов достала. Оказалось, место для Тёмы есть. Но на занятия надо приходиться к двум часам дня, а это физически невозможно: школьные уроки кончаются в третьем часу. Так Тёма не попал в художественную школу — его родители считают, что учеба важнее. Но такую точку зрения разделяют далеко не все.

Дети сильно осложняют жизнь, в том числе требуя несоразмерных возрасту трат. Как, скажите, родителям отдохнуть, если туристические поездки во внеучебное время существенно дороже, чем не в сезон? Выход находится парадоксально очевидный: надо не взрослым приспособливаться к детскому графику, а наоборот, поступать, как удобнее (и дешевле) самим.

В ведомственном санаторий в Краснодарском крае выгоднее всего ехать в мае — путевки практически бесплатные, погода уже почти летняя. По логике Ларисы, без ее дочери-первоклассницы Ани учительница вполне обойдется, только рада будет, что детей в классе меньше. Да и девочке в школе тоже особо делать нечего — чему уж такому их там учат, в первом-то классе, тем более что в мае сплошное повторение пройденного. Поэтому первый учебный год у Анюты завершился на месяц раньше, чем у одноклассников. Может, это действительно не катастрофично в смысле освоения школьной программы. Но впереди у девочки еще десять классов и вся жизнь, а она в семь лет усвоила: у нее нет обязанностей, которые нужно выполнять во что бы то ни стало (в данном случае — ходить в школу), особенно если есть возможность уехать на отдых.

Поездку в санаторий в учебное время еще как-то можно оправдать заботой о здоровье ребенка, но вот как объяснить обычную поездку в Таиланд или Вьетнам в ноябре? Необходимостью и полезностью семейного отдыха? Как ни странно, нынешняя школа практически не протестует против подобных отлучек своих учеников; родители просто пишут заявление, и ребенок получает дополнительные каникулы и новые впечатления. Надо ли говорить, что так отдыхают далеко не самые лучшие и не самые ответственные ученики? Но как им, так и родителям многодневные, по сути, прогулы сходят с рук.

Было время, к майским праздникам педагоги готовились как к войне: в первые дни месяца ряды учеников редели — многие родители, у кого была такая возможность, старались вывезти детей за город. Кого на дачу, кого в деревню — пусть несколько деньков погрются на весеннем солнышке. Учителя, делая неприступные лица, требовали от учеников справок о болезни, проводили воспитательные беседы с родителями о недопустимости столь вольного распоряжения учебным временем. Особого эффекта, надо сказать, строгости не давали — на следующий год всё повторялось. Сейчас же ученики начальной школы перемену напролет обсуждают, как Алина в феврале поедет на целый месяц в Турцию, кому что привез из Египта к Новому году не по сезону загорелый Алеша. Отношение к таким поездкам у других в лучшем случае нейтральное, в худшем — завистливое.

В своей взрослой жизни мы ставляем приоритеты автоматически и почти никогда не ошибаемся. Главное для нас — работа: от нее зависит, как мы отдыхаем, сколько времени уделяем семье, какую одежду носим, во сколько ложимся спать и встаем по утрам, даже какие книги читаем. И от нее же по большей части зависит, как мы будем жить в ближайшие годы. Родители, определяющие детей чуть ли не с пеленок в большой спорт или высокое искусство, тоже, безусловно, стремятся правильно выстроить их жизнь, обеспечить их безбедное будущее. Но сколько вообще может быть чемпионов, рекордсменов, деятелей искусства мирового уровня? Сколько нынешних школьников имеют реальную возможность дойти до самых вершин? Единицы. А вот жить, работать, растить своих детей придется всем. И вряд ли кто из нынешних родителей, посчитавших главным делом своего ребенка отнюдь не учебу, был бы рад такой диалог двух восьмиклассниц: «Ты во Францию едешь?» — «Нет, в Париж». В городе мечты проводились международные соревнования, и выступить на них должна была призерка Олимпиады. К счастью, для нее спорт действительно оказался главным делом жизни. А если бы не случилось?

Мои встречи с многоликой смертью в детстве

Борис Бим-Бад

Ведь родиться — не то, что воскреснуть:
могила отдаст нас, но не взглянет на нас, как мать.

Януш Корчак

Присутствие тех или иных ипостасей смерти составляло часть страдальческого опыта моего, как и любого иного, детства. Пишу с мыслью, что были, воскресенные моей памятью, могут всколыхнуть в душе читателей картины и переживания их собственного детства. Иной раз давно ушедшие страдания окрашиваются временем во вполне приемлемые тона. Открою вам тайну, если хотите: наша жизнь нам дорога.

Смерть других

Это было до школы, стало быть, около семидесяти лет тому. Мы живем в одном коридоре, ее комната недалеко от нашей. Вот мы играем в одной из песочниц Александровского сада. Бегать ей нельзя из-за большого сердца, меня кто-то предупреждает, что играть с ней надо только тихо. У меня тоже порок сердца, мне привычны спокойные игры. Конец лета, нежарко. Не помню ни ее лица, ни имени, ни того, как я вскоре узнал, что она умерла. Очень ясно вижу ее мать, плачущую на стуле в нашей комнате, и слышу ее ответ на чьи-то слова утешения: «Нет, нет, я не успокоюсь, пока ее не похороню».

Меня особенно поразило, что когда-нибудь после похорон ее мама успокоится, и еще многие годы, здороваясь с ней в коридоре, я высматривал, печальна ли она по той обаятельной тихой девочке, которую я помню и жалею.

Маленький ростом Женя из моего класса, тоже живший в нашем коридоре, показал мне фотографию своей мамы в гробу. Красивая и молодая, цветы, люди в черном. Его отец женился на другой, а сам умер через пару лет, и мачеха Жени любовно растила его. Перед смертью отец его что-то напутствовал ему, точно не помню, кажется, слушаться эту женщину. Мальчик сам рассказывал мне.

В мрачные пятидесятые в отдаленном крае нашего бесконечного тускло освещенного коридора на спинке кровати повесилась пожилая женщина. По-видимому, она была одинокой. Редко выходила на одну из общих кухонь. Тогда травили евреев-врачей. На стенах в туалетах (четыре кабинки на 50 комнат) писали всякие филиппики и требовали смерти

«убийц в белых халатах», к числу которых она принадлежала. Дверь в ее комнату взломали спустя много времени после ее кончины.

Литературные смерти

Одной из первых и самых впечатляющих стала для меня предательская смерть (сон) Царевны у Пушкина:

Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Ух, как же я ненавидел Мачеху, как радовался пробуждению Царевны!.. Смерть — это для хороших людей лишь сон, пробуждение от которого несет любовь.

Героические смерти мне, производимому из сводок информбюро об ожесточенных боях и грохота победных салютов, были с молодых ногтей близки и понятны. В детскую память врезался «Вересковый мед» Стивенсона в гениальном переводе Маршака.

Старик причинил смерть своему сыну, чтобы обмануть врагов и сохранить военную тайну. Его, конечно, сожгли. Мальчика жалко, но какую славную смерть выбрал его отец! На этой балладе я воспитывал и свою дочь, что она до сего дня оценивает как жестокость с моей стороны. Я не учел, что она родилась не в войну.

Опыты собственной смерти

В пятом классе я умирал дважды. Первый раз самостоятельно, а второй — под наблюдением врачей. Аппендицит. Болело-болело, а потом прошло. Как-то раз резко встал со стула, и закружилась голова. Я стоял, пошатываясь, и думал: «Если *это* будет нарастать, то чем *это* кончится?» И вдруг получил сильный удар по затылку: оказывается, потерял сознание, упал навзничь. До того, как ударился головой об пол, я ничего не ощущал, был в полном беспомыслии.

Вырезать аппендикс меня положили в Филатовскую (городская

детская). В операционной на нос и рот надели маску, стали лить на нее удушающую жидкость, да еще велели считать вслух. Я увидел черное небо, густо усыпанное звездами. От полюсов, ускоряясь, летели навстречу друг другу две огромные яркие звезды, и, когда они столкнулись, наступило Ничто.

Воскресение мое случилось в больничной палате, где я нашел себя привязанным к койке. Раскрыть рот было больно, а кашлянуть — просто чудовищно больно. Тошнило. Всё пустяки: ведь я избавился от Ничто. С тех пор я не боюсь и окончательной смерти.

Ни с кем из взрослых и сверстников я не обсуждал своих открытий в области смерти, как, впрочем, и переживаний своей любви, и отношений к Богу. Маленьким я не имел ни потребности схватывать и рефлексировать свои мысли, впечатления, наблюдения, подчас и весьма глубокие эмоции, ни инструментов их словесного выражения.

Никто со мной и не заговаривал о них. Почему? Вероятно, по умолчанию было установлено, что детская душа далека от мировоззренческих проблем и что ребенка волнует только то, что составляет простую каждодневность — здоровье, быт, игра, учение...

Да и сами взрослые редко выходили за непосредственный круг выживания. Никто не сообщал окружающим, что побаивается умереть во сне. Похоже, что смерть была чем-то неприятным, что касалось только других. Траурные рамки в «Вечёрке» просматривались бегло (нет ли знакомых имен), некрологи, в отличие от фельетонов, вслух не читались.

Смерть Сталина

Смерть Сталина явилась радикальным исключением. Я говорю здесь о своем детском восприятии события 5 марта 1953 года. Смерть впервые обнаружила для меня не только свою непоправимость, но и абсолютно могущественное зло.

Я видел плачущих людей у газетных киосков. Потом поползли слухи о множестве раздавленных в толпе желавших пройти мимо гроба Сталина в Колонном зале Дома Союзов.

Отец запретил выходить на улицу: мы жили у самой Красной площади.

В школе мы учили стихи Веры Инбер на смерть Ленина («И пять ночей в Москве не спали Из-за того, что он уснул. И был торжественно-печален Луны почетный караул»), но у Ленина был другой сокол ясный — Сталин, и оставшийся сокол покаялся выполнить все заветы товарища Ленина, продолжив тем самым великое дело первого сокола. А сейчас нет третьего сокола...

Миллионы пропали на войне, но там смерть была геройством и обернулась триумфом победы. Здесь же — сиротство оставленной без попечения страны. Что с нами будет теперь?

А через полтора года, летом 1955 года, в деревне под Москвой, я увидел, как колхозники сжимали кулаки при слове «Сталин», смерть которого дала им надежду выжить. Можно стало держать личную птицу, плодовые деревья и даже скотину. И смерть Сталина обнаружила еще одну свою сторону — осчастливливающую.

Горстки пепла как составная часть бытия

Бабушка нередко брала меня с собой на кладбище вокруг Донского крематория, где за нами числилась особая могила в виде пирамиды с застекленным окошком. За окошком стояли керамические фотографии моего прадедушки (которого я помнил живым) и прабабушки, умершей до моего появления на свет.

Поездки на кладбище были нестрашными, обязательными, обыденными. Надо было убрать нападшие с деревьев листья, посадить невысокие кустики, поставить в баночку срезанные цветы. Как-то, чуть повзрослев, я спросил у бабы Зины, а где же спрятаны умершие. Она открыла окошко, вынула на лавочку оба фото и достала из ниши одну из урн со снимающейся крышкой. Под крышкой была горстка свернувшегося пепла.

Она поразила мое воображение, нередко ее образ стоял перед моим внутренним взором. Огромной трагедией для меня, уже восемнадцатилетнего, не ребенка, стала скоропостижная смерть отца. Разбирая его дневники, я начал писать воспоминания о нем под названием «*Перед горсткой пепла*».

В серое здание самого ритуального зала я ребенком никогда не заходил, хотя хоронили непрерывно, из трубы почти всегда валил страшный дым. Дело в том, что я знал все происходящее внутри. Откуда? Из книг, прочитанных в детстве.

В «Великом противостоянии» Льва Кассиля есть место о похоронах

кинорежиссера Расщепея, единственное место из целой книги, которое запомнилось мне на всю жизнь.

«Но вот все немножко расступаются, и гроб начинает медленно опускаться, и я вижу лицо Расщепея в луче прожектора. Он лежит, чуть повернув набок голову, и, как тогда ночью, в каюте «Фламариона», я ясно вижу его непривычно приглаженные легкие волосы, и складку между бровей, и страдальческую черточку у насмешливых губ. И, как тогда, мед-

ленно оседает, опускается все глубже, словно судно в шлюзе, его гроб. Уже всплыли, двинулись, сойдутся сейчас створки за ним, и мой командир, мой капитан Расщепей проходит свой последний шлюз».

Вывод

Родители, не бойтесь говорить с детьми о страданиях и смерти: они всё поймут и потом будут благодарны вам.

Из вереска напиток
Забит давным-давно,
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилах тесных
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медовый вереск,
А меда мы не пьем».

Но вот его вассалы
Заметили двоих —
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но никто из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский
Не шевелясь в седле,

А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Плетка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовите мед!

Сын и отец смолчали,
Стоя у края скалы.
Вереск шумел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь.

Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну,
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал.
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал.

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пусть его крепко свяжут
И бросят в пучину вод
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед.

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды,
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен,
Пусть со мною умрет
Моя святая тайна,
Мой вересковый мед.

Щелкунчик, Крысарь и камертон

Случайно или нет, но эти две книжки попали мне в руки почти одновременно. Такие разные — сказка для детей и страшная правда для взрослых, — что, кажется, их невозможно сравнивать, и все-таки настроенные в лад.

«Зло может разрастись» — так называется первая глава книги Марек Эдельмана «И была любовь в гетто» (перевод К. Старосельской, издательство «Мосты культуры/Гешарим», 2010). Вернее, не глава, а запись недавнего публичного выступления автора, одного из руководителей восстания в варшавском гетто в 1943 году и последнего оставшегося в живых свидетеля тогдашних событий. «Возбудить ненависть гораздо легче, чем склонить к любви, — говорит Эдельман. — Ненавидеть легко. Любовь требует усилий и самоотверженности».

Вся книга — безыскусный, местами сбивчивый рассказ, записанный со слов автора, рассказа, в котором, как в жизни, естественно сочетается обыденное, высокое и страшное. Марек Эдельман словно боится: если он не успеет рассказать простые и ужасающие истории любви (как дочь рассталась со своим возлюбленным и по собственной воле пристроилась к колонне тех, кого вели «в вагоны», на смерть, потому что не могла «отпустить маму в такой путь одну»; как другая мать покончила с собой, чтобы передать дочери «талон на жизнь»; как молоденькая санитарка и сбежавший от немцев бородатый старик, «забыв про всякую осторожность, счастливые, ходили по городу, держась за руки»; как связанная повстанцев влобилась в одного из бойцов и говорила, что «стоило пережить гетто и Варшавское восстание, чтобы узнать, что такое любовь и сколько можно отдать другому человеку»), если не назовет по именам всех погибших в гетто, в лагерях и в боях товарищей, то все это исчезнет вместе с ним, последним, кто помнит. Читая эти страницы, словно встраиваешься в цепочку памяти. Но, чтобы спасти от забвения эти истории, надо, чтобы мы передали их своим детям. А чтобы они задержались в их памяти, там должны существовать некие воспринимающие ячейки. У детей и внуков воевавших они еще были, а у следующих поколений начинают зарастать. Вторая мировая, нацизм, Холокост, отодвигаясь все дальше, становятся просто строчками в школьных учебниках.

И, значит, не память, а душу ребенка нужно настраивать, как настраивают музыкальный инструмент. То есть заниматься воспитанием чувств, не смущаясь старомодностью этого выражения. Ведь камертон не устареет.

Мы вышли на главную улицу. По ней двигалась длиннейшая процессия взрослых с детьми. Взрослые молчали — с суровой мрачностью или с бесконечной грустью в глазах. Почти все дети плакали, прижимая к себе любимую игрушку, — ту самую, которую они оставляли напоследок, не в силах с ней расстаться. Они двигались к главной площади, посередине которой возвышалась гора игрушек. А из репродукторов по-прежнему доносился грозный голос:

— Хранение игрушек запрещено!

...Крысарь громко хохотал, когда его крысолдаты выхватывали из толпы несчастного маленького мальчика или девочку и рвали из их рук любимую игрушку, в которую бедные дети вцеплялись их последних силенок.

... Все это было ужасно. Я смотрела и думала: «Неужели и среди людей есть такие, которым чужие страдания доставляют радость?» И сама себе отвечала: «Нет, только среди крыс!».

— Ну вот! — объявил Крысарь с балкона. — Наконец-то все мальчики и девочки этого города внесли свой вклад в создание нового крысиного мира. Все они сдают нам свои игрушки с огромной радостью! Все это мы называем...

— Крысолубием! — подсказала Крысья королева.

... Мне опять не терпится поговорить о том, что я поняла во время этих страшных событий.

Например, считается, что надо быть жизнерадостным, верить, что всё вообще хорошо. А дядя Альберт сказал как-то такую фразу, которую я совсем тогда не поняла: «Нельзя быть оптимистом за чужой счет».

... Важные мысли тогда становятся особенно ценными, когда понятия не с чужих слов, а сама как следует прочувствуешь.

Вот теперь, например, — я слушала радостные крики Крысаря и видела какое-то просто безумное веселье в его глазах. И мне вдруг стало совершенно ясно, что именно имел в виду дядя Альберт. Оптимизм за чужой счет — это означает радоваться жизни, совершенно не обращая внимания на то, что рядом кто-то страдает. Не стараться помочь тем, кому плохо. Я не говорю уже про тех, кто специально доставляет страдания, — таких уродов среди людей, к счастью, немного.

Это отрывок из книги Мариэтты Чудаковой «Щелкунчик и Крысиный Король» (М, 2011), написанной по мотивам одноименного фильма Андрея Кончаловского, в свою очередь, снятого по мотивам знаменитой сказки Гофмана «Щелкунчик и Мышиной Король». Этот фильм, изначально сделанный на английском языке при участии американских актеров, недавно прошел в русской

версии по экранам наших кинотеатров и вызвал бурные дискуссии. Так или иначе, разговор сейчас не о фильме, а о книге, для которой он стал отправным моментом. Сделать книгу и выложить ее на прилавки одновременно с фильмом — стандартная коммерческая идея, которая, как правило, выливается в дорогую красивую пустышку. Однако Кончаловскому, видимо, хотелось чего-то большего для своего любимого ребенка — замысел фильма режиссер вынашивал много лет. И после трех неудачных попыток найти автора текста он обратился к Мариэтте Чудаковой и сумел задеть в ней авантюрную жилку. Требовалось следовать фабуле фильма и писать от лица главной героини Мэри, в остальном — полная свобода.

Чудакова для начала смотрит нового «Щелкунчика», причем, по ее собственным словам, зрение сразу видит глазами девятилетних «увлекательный фильм, с вполне годными для детей техническими эффектами». Довольно спорные культурные цитаты для взрослых (доктор Фрейд на венском катке, эйнштейновская грива дяди Альберта, который заменяет крестного, списанная с Уорхолла внешность Крысиного короля) при такой настройке перестают существовать — дети их просто не замечают. Главное же, что привлекло Чудакову, — это «возможность ценностного наполнения».

Именно это ценностное наполнение, прозрачная нравственная позиция и делает книгу самостоятельным, способным существовать независимо от фильма произведением. Словом, при всей верности сюжету фильма, стилистика книги так же отличается от него, как голос Аллы Пугачевой (блестяще дублирующей Крысиную Королеву) от голоса Мариэтты Чудаковой. Ее героиня, записывая свои воспоминания обо всем произошедшем с ней и Щелкунчиком той незабываемой рождественской ночью, все время размышляет и объясняет себе, а заодно и читателям, то, что она тогда видела. Примерно так, как в процитированном отрывке. Мэри не говорит о фашизме — действие отнесено к двадцатым годам XX века, — но глаза девочки, пытающейся спасти любимую куклу, и клубы черного дыма фабрики уничтожения игрушек припомнятся немного подросшему читателю, когда он услышит о законах, обязывавших евреев сдавать домашних животных, и трубах Освенцима.

Да и не только о фашизме и фашистах идет речь. Охотников крысифицировать общество и подкупать несмышленицей удовольствием прокатиться на крысобайке, как Крысарь подкупил Макса, младшего брата Мэри, всегда хватает. Кстати, о Максе. Вот тут — наибольшее расхождение Чудаковой с Кончаловским. В фильме и в приписанном режиссером к книге «Рассказе Макса» мальчику тоже стало стыдно за предательство, но сказано это вскользь, как будто он просто отнял у кого-то конфетку. И ему ужасно хотелось запустить крысолет, на котором пытались спастись Крысарь со своей матушкой; он «подергал все ручки, но ничего не вышло». В книжке же он сознательно и героически, рискуя собой, оборвал провода управления. Маленький Макс — очень важный герой книги. Конечно, он не устоял перед соблазном и поехал за Крысарем на блестящем байке, но уничтожить игрушки плачущих детей отказался, а потом стал верным союзником сестры. Это дает повод Чудаковой порассуждать о том, могут ли люди, большие и маленькие, изменяться к лучшему, и привести слова честертоновского отца Брауна (Мэри слышала их от дяди, накрепко запомнила и повторила в своем рассказе):

«Можно как угодно долго держаться на одном и том же уровне добра. Но никогда никому не удавалось удержаться на одном и том же уровне зла: этот путь ведет вниз».

Уместны ли такие отсылки и отступления в детской сказке? Некоторые критики именно за это ругали трилогию Чудаковой о Жене Осинкиной (в последней части которой, кстати сказать, впервые в нашей детской литературе прямо и внятно рассказано о событиях Холокоста), видели в таком приеме ненужное нравоучительство. Но часто ли нынешних детей, привыкших к калейдоскопу ярких картинок, спецэффектов, 3D-чудес и трюков, приглашают остановиться на минутку и вместе подумать? Знаю, наивно сетовать на то, что мальчишки обожают игрушки, изображающие мультипликационных злодеев, психологи признают их полезными для здорового выброса бессознательной агрессии и преодоления страхов. Но ведь и обращение к сознанию, совести, чувству справедливости ребенка — дело не менее важное и полезное. Непредвзятый читатель, к которому обращается автор, поймет такое приглашение как доверие и уважение к себе.

А там, глядишь, не отложит с безразличным зевком книжку в непестрой обложке о том, что «любовь требует усилий и самоотверженности».

Наталья Мавлевич

Познакомимся с одной из глав книги.

Глава, в которой кто-то оказывается Принцем, на сцене появляются наконец Крысиный Король и Крысиная Королева со своей идеей — окрысить мир, где мы узнаем, как мерзко обращаются друг с другом в крысином семействе, а Принц (он же Эн-Си, Nut-Cracker, — так для конспирации зовут в сказке Щелкунчика) снова деревенеет...

— Это было чудесно! Чудесно! — повторяла я Снежной Фее, когда возвратилась к ней, скользя по воздуху, как на лыжах с горки.

Вот когда можно было бы сказать, что испытала Полноту Чувств, кажется, именно так называют это ощущение взрослые. Я бала именно пере-полнена самыми прекрасными чувствами. Мне казалось, что ничего хоть на капельку лучшего, чем сейчас, со мной уже ну никак не может произойти.

И вдруг Снежная Фея сказала загадочно:

Ты можешь сделать что-то еще более чудесное.

И стала рассказывать, что мой друг Эн-Си — вовсе не игрушка! Что он заколдован... Крысиной Королевой!

— Как?!.. — хотела я крикнуть. Но почувствовала, что от волнения осипла, охрипла и одновременно потеряла голос.

А вы попробуйте представить себя на моем месте — сразу всё поймете. Тут лишиться не только голоса, но и вообще перестанешь соображать! Даже сейчас, когда я все это вспоминаю, совершенно не могу понять, как все-таки у меня не съехала набекрень крыша.

И Снежная Фея запела нежным голосом моей мамы.

В своей прелестной песне она спрашивала меня, как отношусь я к миру — холодно-равнодушно или со страстью? Считаю ли я, что мир так огромен, что мои слова и поступки — просто ничегошеньки не значат?

Я готова была ей ответить, даже не размышляя. Но завораживающий голос звучал, не умолкая, а только набирая силу. Он спрашивал, верю ли я, что каждый день — это начало чего-то нового?

...Если бы нашлся такой человек, который слышал весь мой рассказ про ту рождественскую ночь, — он, конечно, угадал бы мой ответ на этот вопрос...

И наконец Снежная Фея пропела торжественным тоном:

Веришь ли ты, что всё на свете возможно?

— Да! — ответила я решительно и твердо. Уж в это я с некоторых пор поверила еще больше, чем раньше!

— Тогда бери Эн-Си за руку!

И как только я это сделала — честно говоря, почти автоматически, не успев ничего толком понять, — началось самое невероятное из всех невероятных событий той рождественской ночи.

Пальцы Эн-Си потеплели, стали мягкими.

Я почувствовала что-то вроде легкого головокружения.

На моих глазах мой милый Щелкунчик — Эн-Си — стал расплываться в тумане. А из этого разноцветного тумана стал возникать кто-то другой — в красном камзоле с золотым позументом... Хорошо помню, как я почему-то устала на золотые пуговицы на этом камзоле. Потом подняла глаза — и увидела, что на меня смотрит мальчик. И на его глазах блестят слезы...

Я только и смогла, что вымолвить:

— Как? Ты — мальчик?

Я — не писатель, не сказочник, и поэтому не знаю, сумею ли найти слова, чтобы передать мои чувства. Но попробую.

Я смотрела на этого возникшего из тумана мальчика, и мне казалось, что мы знакомы бесконечное количество лет и давно понимаем друг друга без слов, что мы необычайно дороги друг другу. И поэтому я прекрасно понимала, что слезы на его глазах — это слезы радости. Я видела — он хочет мне что-то сказать, но не может, потому что волнение так же перехватывает ему горло, как и мне.

И тут мы оба услышали голос Снежной Феи:

— Он не просто мальчик — он наш Принц.

— Как?.. — прошептала я.

Щелкунчик, он же Эн-Си, он же Принц, наконец заговорил:

— Да! И это ты помогла мне снова стать Принцем! Ты поверила в меня и сняла заклятие Крысиной Королевы.

Тут у меня опять голова пошла кругом, и мальчик в красном камзоле стал расплываться в моих глазах. Но усилием воли я привела себя в чувство и стала слушать дальше.

— Разве ты не помнишь, что Гилгуд называл меня «ваше высочество»? Ты, наверно, думала — он просто так красиво выражается. Но просто так ничего не бывает. Во всем есть смысл, только он не сразу и не всем открывается. Мерзкая Главная крыса, так называемая Крысиная Королева, заколдовала меня и моих верных друзей. Она превратила нас всех в игрушки. Так я стал уродцем-щелкунчиком...

Мне хотелось крикнуть: «Нет! Совсем не уродцем! А моим милым Щелкунчиком!» Но я не стала его прерывать.

Принц говорил, что, с одной стороны, приятно доставлять детям радость. С другой же стороны — невыносимо существовать много лет в чужом обличье, прекрасно помня свое собственное.

— Это было очень-очень сильное колдовство. Даже доброй Снежной Фее не удавалось его снять. Но зато она предсказала, что я обречен оставаться деревянным Щелкунчиком до тех пор, пока не случится чудо.

Он замешкался, засмутился, а Снежная Фея продолжила:

— ...Пока не найдется такая чистая душа, которая разглядит в деревянном человечке своего принца...

Вот тут и меня охватило смущение. Я почувствовала, как жар кинулся мне в лицо. Принц спас положение — он протянул мне руку и сказал:

— Пойдем со мной — я покажу тебе мой Город.

Но Снежная Фея остановила его, спросив — не хочет ли он сначала пригласить свою спасительницу на вальс?

...Да, она напомнила, что мы все-таки в Вене, где жил когда-то Штраус — король вальсов! Мои папа и мама в детстве не раз видели, как он дирижирует оркестром.

И я, прежде чем успела опомниться, второй раз помчалась по сияющей воздушной дороге вместе со снежинками! Но теперь я не просто неслась в прохладном потоке, а кружилась в вальсе, и милый Принц обнимал мою талию...

Тогда я, конечно, и представления не имела о том, что за всем происходящим на нашей рождественской елке (надо помнить, что она стала громадной!) следят летучие крысы Скрич и Летал, лазутчики Крысиного Главара... (Вы как хотите, а у меня язык не поворачивается величать это крысиное ничтожество Королем!)

Только позже, оказавшись — к счастью, временно! — под властью их хозяина, я узнала от разных людей о том, что в это самое время происходило во дворце, перед его крысиным престолом...

Мерзкая крыса — псевдо-Король — вершил суд! Вот он возгласил:

— Введите следующего обвиняемого!

И крысиные солдаты втащили связанного Гномада, в котором я — если бы там была — сразу узнала бы кучера, который принес нам кукольный домик.

Пыхтя, они выкрикнули:

— Мы застукали его за попыткой взорвать дворец!

А когда этот самый главный Крысарь стал требовать у Гномада признаться, кто это надоумил его убить короля, то мужественный Гномад, находившийся в руках злодеев, не побоялся ответить так:

— Я не вижу здесь короля.

И глядя в упор на опешившую крысу, продолжил:

— Ты превратил нашего Принца в деревяшку. А нас всех — в своих рабов. Но все равно — ты слышишь меня? — все равно ты останешься для нас всего лишь помойной крысой!

...Так и хочется воскликнуть — «Вот это понашему!». Единственное, о чем я жалею, — это о том, что не видела в тот момент острые морды всего этого крысятника! И хотя мне это рассказывали, можно сказать, в лицах, — все равно, как говорится, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

А Крысарь (поясняю для всех: это изобретенное мною слово — Главарь плюс Крысан), жмурясь и приторно вздыхая (вот была, наверно, картинка!), стал

говорить, что он страсть как не любит насилия, но — ничего не попишешь! — приходится прибегать к нему, раз уж люди такие твердолобые...

Я ни за что не буду описывать, как мучили по приказу Крысаря бедного кучера Гномада... А Крысарь тем временем запел песню...

Когда я потом обсуждала это с дядей Альбертом, он сказал мне, что вообще-то, как бы ни был мерзок Крысарь, но его песню неплохо бы намотать себе на ус и принять к сведению всем. Кто действительно хочет жить в Свободной Стране. Потому что Свобода нуждается в постоянной о ней заботе — как дети, животные и растения. А без этого она может зачахнуть, и любой тиран легко его погубит.

Так вот, этот Крысецкий, явно влюбленный в самого себя, в свою (вообразите себе!) внешность, в свой голос и музыкальный слух, вообще считающий себя великим артистом, пел о том, что у людей был шанс (дядя Альберт пояснил мне потом, что он имел в виду исторический шанс), но они жили уж больно весело и беспечно.

И они упустили свою Свободу — ту самую, от которой лично его тошнит. И теперь, после ее падения, кончилось время людей и настало время крыс!

И он приглашает всех в эру мрака!

Крысы во тьме видят лучше, чем при свете. И потому теперь (так пело это крысиное ничтожество, посмевшее поднять свою когтистую лапу на людей!) дневной свет отменен и вводится крыс-сер-ва-тив-на-я политика!

...Когда мне пересказывали эту зловещую песню, я, конечно, совершенно не поняла этого дурацкого слова. Только потом дядя Альберт объяснил мне, что это от слова консервативная (ну, это понятно — как консервы, что-то такое сохраняющая, но в крысином случае — сохраняющая самое плохое) плюс крысы...

И как только крысы-подхалимы начали восторгаться его пением, тут же явились Скрич и Летал и донесли своему Хозяину, что Крысиного Заклятия больше нет, а Принц жив-здоров!

Мужественный Гномад успел крикнуть:

— Я это знал — наш Принц жив!

Крысарь сразу же сделал единственное, что смог придумать, исходя бессильной крысозлобой: послал свой спецназ — крысопсов со стальными зубами, — чтобы они перегрызли ствол нашей чудо-елки у самого основания! А сам отправился в потайные покои своей матери, страхолюдной Крысиной якобы Королевы.

...Помню, когда я потом ее увидела, меня чуть не стошнило от ее облезлого вида и торчащих изо рта острых гнилых зубов... И еще — даже неохота говорить, но все же скажу, — она была похожа на нашу экономку фрау Эву. (Но, конечно, ничего дурного я Фрау Эве не желаю — тем более жизни в крысином обличье...)

...Легко догадаться, как шла беседа матери с сыночком. Всем известно, что крысы, в отличие от людей, не стесняются ни выражениях, ни в действиях.

А люди отличаются от крыс не только — как некоторым, может быть, кажется — отсутствием противного голого хвоста и острых крысиных зубов. Одно из главных отличий именно в том, что человек всегда всегда, независимо от того, плохое или хорошее у него настроение, способен контролировать свои слова и интонации. По крайней мере я в этом совершенно уверена! Я считаю, что человеческая интонация никогда-никогда не должна становиться раздраженной.

Ведь это оскорбительно для собеседника — он вовсе не обязан быть жертвой смены ваших настроений!

И вообще никогда, по-моему, нельзя заявлять во всеуслышание: у меня плохое настроение! Подумаешь, какое событие мирового масштаба! Если ты это всем объявляешь — значит, требуешь, чтобы все с этим считались: «Да, она, конечно, грубовато мне ответила, но ведь у нее, у бедняжки, плохое настроение, и мы должны ее понять...».

А что эта бедняжка знает о том, с кем она раздраженно разговаривает? Может, у него обстоятельства еще похуже, чем у нее? И от этого настроение еще похлеще?.. Так что теперь бросаться, что ли, друг на друга, как крысы? Начать кусаться?.. Тогда и возникает вопрос — чем же мы отличаемся от них?

Ну и, конечно, человек всегда должен контролировать свои действия. А если начать крысятничать — рискуешь вообще превратиться в крысу...

...Это всё, конечно, не мои собственные мысли, а собранные вместе поучения мамы, папы и дяди Альберта. Некоторые мои друзья называют это нотациями. Я не согласна. Конечно, что-то можно и пропустить мимо ушей. Но есть немало такого, над чем стоит подумать.

Вот, например, дядя Альберт говорил — и не раз — об одном своем любимом писателе (фамилию я, к сожалению, забыла), который писал рассказы про священника, умевшего не хуже сыщиков раскрывать преступления. Но когда этот его герой узнавал наконец, кто же именно преступник, не злился на него и не возмущался — как любой бы из нас! — а печалился и горевал...

Ну, не буду отвлекаться — рассказывать так рассказывать. Продолжу про то, что же происходило между тем в Крысином Мире.

— Ты подставила меня, старая крыса! — орал Крысиный Король. — Твое заклятие больше не действует! Все нашим планам — кранты! Ты что — уже больше не хочешь окрысить мир?

А Крысиная Королева ласково поманила его — и что есть силы укусила сыночка за ухо! Крыса — она и есть крыса, и ничто крысиное ей не чуждо.

Сыночек верещал так, что было слышно далеко за пределами этой Крысячье-королевской щели.

— Будь крысой! — злобно сказала ему мать. — Не падай крысиным духом! Знай — я наложу на этого человеческого щенка еще более сильное заклятие. Он снова станет деревяшкой! Твое же дело — схватить его. А теперь пошел вон!

И для поддержания силы злого колдовства она взялась за свое любимое пойло — коктейль с крысиным ядом...

...А в это самое время мы с Принцем оказались у начала винтовой лестницы, ведущей к вершине ели, и стали подниматься по ней все выше и выше, пока наконец над нашими головами не показалось небо. Вдали раскинулся большой город. Но с не успела взглянуть в него, как Принц показал мне на клубы дыма на горизонте. Это Крысарь, назвавший себя Королем и захвативший Город Принца, день и ночь сжигал на Фабрике Дыма ненавистные игрушки.

Я спросила Принца, где же он их берет? И услышала печальнейшую вещь — у всех детей Города отбирают их любимые игрушки! Дети обязаны сами сваливать их в общую кучу, своими руками отдавая на сожжение! Это было просто ужасно!

Принц рассказал, как в его прекрасный город вторглись однажды полчища огромных серых крыс, как перепуганные горожане попрятались по домам. В своих комнатах они затыкали как могли любые щели. И везде им мерещилась теперь остроносая усатая крысиная морда, сверкали острые зубы. На месте любимого жителями фонтана в центре Города вырос уродливый королевский дворец — торжество Крысиного Вкуса!

Черный дым валит из трубы Фабрики Дыма день и ночь, потому что Крысиный Король ненавидит людей и веселье и больше всего боится солнца — он провозгласил наступление Эры Мрака. Погасить солнце он, конечно, не в силах. Поэтому вся его энергия брошена на производство дыма. Ему нужны новые и новые игрушки — чтобы над Городом не осталось ни кусочка чистого неба.

И пока в городе темно — крысы сильнее нас. Тут я — кажется, не успеваю даже подумать над услышанным, — воскликнула:

— Значит, нужно уничтожить Фабрику!

— Ты права, — сказал Принц и...

Даже сейчас, хотя с тех пор прошло так много времени, холод бежит у меня по спине, когда я вспоминаю, что случилось дальше.

На моих глазах милый Принц стал вновь деревенять!

А наша громадная ель неожиданно закачалась и начала падать... Принц крепко схватил меня за руку своей уже деревянной рукой, и мы что есть силы побежали вниз.

Тут ступени стали уходить у меня из-под ног. И вслед за Принцем-Щелкунчиком я полетела вниз головой в бездонную пропасть...

Уважаемый господин редактор! Мне нередко попадает в руки Ваш журнал, и я обычно с интересом прочитываю его от первой до последней страницы. Вот почему именно Вам мне захотелось написать о своем впечатлении от недавно прочитанной сказки про Щелкунчика, а заодно и от другой давно мною любимой книжке Вашего постоянного автора. Мне кажется, в них есть то, чего не хватает многим современным

детским книжкам и что ваш журнал старается по мере возможности «насаждать».

Примите мои лучшие чувства и пожелания.

*Маргарита Мигдал,
Калифорния.*

...Казалось бы, что может быть общего между современной девочкой из Москвы Женей Осинкиной (героиней книги Мариэтты Чудаковой), и Мэри из классической сказки Гофмана (хотя бы и в двойном переложении: сначала Кончаловский снял фильм по мотивам «Щелкунчика», а потом Мариэтта Чудакова написала книгу по мотивам фильма)?

Но если мы, отстранившись от внешней атрибутики разных эпох, увидим в обеих историях отражение вечной проблемы борьбы добра со злом, то убедимся, что Женя и Мэри — сестры. Их роднит благородство, отвага, любовь и уважение к людям, истинная интеллигентность — качества, благодаря которым обе героини побеждают зло.

Невозможно умалить влияние, которое оказывает на развивающуюся душу герой любимой сказки, любимой книги, с которым ребенок может — и желает — себя идентифицировать, которого воспримет как советчика, как верного друга, как образец, которому хочется подражать.

Нелегкая задача того, кто адресует к юному поколению, как раз и состоит в том, чтобы создавать подобные образцы в литературе и кино, — создавать на высоком художественном уровне, без примитивной дидактики и нудных нравоучений, с априорным уважением к интеллекту ребенка, пониманием его обостренного чутья на фальшь и лицемерие. Обращаясь при этом к врожденному у детей чувству справедливости и стимулируя еще не исчезнувшие, не затоптанные чистоту и искренность.

«Щелкунчик и Крысиный король» — сказка для читательницы, которая тут же превращается в Мэри, как раньше превращалась в Суок, Русалоч-

ку, в любую другую героиню таких сочинений, где любовь проявляется в действии, порождает бесстрашие, становится жертвенной силой, побеждающей зло...

Автор исподволь формирует у юного читателя понятия о человеческих ценностях, используя близкие детскому сердцу образы, описывая «крысификацию» и предупреждая детей, какую действительность способны создать «крысы».

При этом нельзя не удивляться, Мариэтта Чудакова ни на секунду не забывает свою вторую — для нее, видимо, не менее важную — задачу культурного образования.

Представляя Мэри, автор, как бы между прочим, дает понять, что эту девочку отличает не только благовоспитанность наряду с богатой фантазией и добрым сердцем, но и образованность, составляющая органичную часть ее бытия.

Интеллектуальная пытливость, желание постоянного развития, внимание к каждому новому слову, к каждому новому понятию, стремление использовать уже приобретенные знания, нанизывая последующие, — не являются ли эти качества в ребенке мечтой каждого педагога?

Сам же автор, я бы сказала, здраво-мыслящий поэт. А это явление весьма редкое, даже исключительное!

Дюма навсегда

Мариэтта Чудакова

1.

Был в XX веке такой французский писатель — Андре Моруа. Он попробовал писать романы (в 1918 году), но успеха не было. Он обратился к другому литературному жанру — и тут сразу преуспел. И стал, можно сказать, создателем широко распространенного во Франции жанра *романизированных биографий*, как он сам их называл, — или биографических романов. Увлекательных историй жизни замечательных людей.

Авторское предисловие к своей книге «Три Дюма» он начинает такими словами:

«Мало есть имен более известных миру, чем имя Дюма-отца. В любой стране читали его книги и продолжают их читать. Поэтому мне нет необходимости оправдывать свой выбор».

Одно из самых известных имен!.. И главное — это правда. И эта известность говорит, несомненно, в пользу писателя.

Кто-то может спросить: «Но почему? Вот есть сегодня очень известные книжки — но я бы не стал превозносить их авторов...»

На это биограф Дюма дал очень, по-моему, умный ответ — говоря о самом известном романе Дюма «Три мушкетера»:

«Одно поколение может ошибиться в оценке произведений. Четыре или пять поколений не ошибаются никогда»

Замечательно умные слова! Если какая-то книжка нравится решительно всем (хотя это только кажется — так вообще-то не бывает), то не стоит возводить автора на литературный Олимп. Должно пройти время. И тогда мы видим, например, что двадцать лет как ушла советская эпоха, с деталями которой, известными только, кажется, ее современникам, органически связаны и юмор, и трагический пафос романа Булгакова «Мастер и Маргарита», — а сегодняшние пятнадцатилетние, почти совсем эту эпоху не знающие, берут роман — и смеются и плачут над ним не хуже нас! Вот этот несомненный факт уже кое-что значит! Так и с «Тремя мушкетерами», и с «Графом Монте-Кристо» (читайте обе книги, да поскорей!), и с замечательным продолжением «Трех мушкетеров» — «Двадцать лет спустя».

Многие ли хорошо себе представляют французский XVII век? Но Дюма пробивает себе путь сквозь барьеры нашего недостаточного исторического знания.

«Мастера и Маргариту» я упомянула еще и потому, что Булгаков повторяет путь самых знаменитых романов Дюма — медленно, но верно именно его главный роман переходит во владение подростков — которые не только его увлеченно читают, но непременно запоминают часть текста наизусть.

И это вовсе не плохая литературная карьера.

2.

Его называют Александр Дюма-отец, чтобы не путать с сыном — автором знаменитой, прошедшей с успехом по всем европейским сценам «Дамы с камелиями».

Сам Дюма-отец тоже, между прочим, был сыном, — правда, очень рано потерявшим отца.

Приведем здесь весьма немногие из огромного количества подробностей примечательной жизни его отца, родившегося на острове Сан-Доминго в 1762 году, — сына французского маркиза и его чернокожей рабыни.

Этот сын после смерти матери взят был отцом в Париж. «Согласно обычаю, — пишет Моруа, — французские плантаторы-дворяне, возвращаясь во Францию, сыновей смешанной крови брали с собой, дочерей оставляли на островах».

Сыну маркиза было тогда восемнадцать лет. «Цвет кожи придавал ему экзотический вид; черты лица у него были правильные, глаза велико-

лепные, фигура стройная, а кисти рук и ступни — изящные, как у женщины. Его принимали в свете: ведь он был сын маркиза; он смолodu пользовался большим успехом у женщин. Он поражал своей силой: однажды вечером какой-то мушкетер, войдя в ложу, где сидел Дюма, оскорбил его. Молодой Дюма де ля Пайетри схватил обидчика и швырнул его через перила прямо на зрителей партера. Засим последовала дуэль, на которой он ранил своего противника, потому что был также искусен в фехтовании, как и во всех телесных упражнениях».

Началась французская Революция — и за два года драгун дослужился до генерала... Его отряд в несколько человек захватил, взобравшись по отвесному утесу при помощи кошек, гору, где засели австрийцы, но остановился в замешательстве перед так называемым *палисадом* — так называлось укрепление в виде сплошной стены из толстых бревен, высотой в человеческий рост.

«— А ну, пустите меня!» — сказал генерал и, похватав своих солдат за штаны, одного за другим перебросил их через палисад прямо на поверженного в ужас противника. Маневр, достойный Гаргантюа», — заключает это свое описание Моруа.

После таких эпизодов (а их было много больше) не приходится долго размышлять над источником бесконечных свидетельств удалой, физической силы и сноровки главных героев романиста Александра Дюма — мушкетеров.

Вскоре после появления на сцене Истории Наполеона отец Александра Дюма стал бравым наполеоновским офицером. Возвращаясь во

Францию из Африки после выигранных им сражений, он попал неожиданно в Неаполитанской республике в руки врагов Бонапарта и оказался в тюрьме.

Неведомые друзья предупреждают его, чтобы он опасался яда. Он отнесся к этому предупреждению внимательно.

Тюремный врач принес ему бисквиты и посоветовал есть их размоченными в вине. Врача он не заподозрил. «Я точно выполнил его предписание, но к двум часам пополудни у меня начались такие сильные спазмы в желудке и рвота, что я не смог обедать. Приступы боли всё усиливались, и я лишь чудом не отправился на тот свет. Характер спазм и рвоты свидетельствовали об отравлении мышьяком...

В результате я почти оглох, полностью ослеп на один глаз и меня разбил паралич... Эти симптомы одряхления появились у меня в тридцать три года и девять месяцев, что явно доказывает, что в мой организм ввели какой-то яд...

Дальше биограф писал, что он вышел из тюрьмы полупарализованным и в этом плачевном виде добрался наконец до своей семьи. Через полтора года появился на свет его сын — будущий автор «Трех мушкетеров». А еще через четыре года старший Дюма, вернувшись с верховой прогулки, вынужден был лечь в постель...

«— Неужели генерал, — воскликнул он, — который в тридцать пять лет командовал тремя армиями, должен в сорок умирать в постели, как трус? О Боже, Боже, чем я прогневил тебя, что ты обрел меня таким молодым покинуть жену и детей?

Он призвал священника, исповедался, а потом, повернувшись к жене, испустил последний вздох у нее на руках в тот миг, когда часы пробили полночь».

Его четырехлетний сын — будущий главный Дюма — не мог смириться со словами матери, что больше он никогда не увидит отца. И даже полез с ружьем на чердак — стрелять в того, кто, по словам матери, забрал к себе небо его отца...

3.

Современники писали: «Заставляет ли Дюма думать? — Редко. — ...Лихорадочно перелистывать страницы? — Всегда».

Насчет того, что редко заставляет думать, — пожалуй, сегодня я не соглашусь. А как, например, насчет мысли о том, похожи ли мы, сегодняшние люди России, на тогдашнюю парижскую толпу?..

Лично меня эта мысль очень занимала при недавнем перечитывании романа «Двадцать лет спустя»

и сцены в нем, когда Верховный суд должен приговорить Карла I к смертной казни.

«— Настоящее обвинение предьявляется нами от имени английского народа.

Эти слова вызвали ропот на трибунах...» И мужской голос, «твердый и гневный, прогремел сзади д'Артаньяна:

— Ты лжешь! Девять десятых английского народа ужасаются твоим словам.

Это был голос Атоса, который вне себя от бешенства, стоя с поднятой рукой, бросил этот вызов общественному обвинителю».

Дальше — переполох, крик врага мушкетеров:

«— Стреляй в эту трибуну!» — и ловкое исчезновение мушкетеров, восхищавшее в детстве: «Суматоха была невообразимая. Более получаса никто не мог расслышать собственного голоса».

Но сегодня меня занимало иное, чем в детстве. Предположим, Атос прав (хотя в этом можно сомневаться). Но почему же не слышен голос этих ужасающихся приговору девяти десятых?..

Почитаем про несчастного Карла I дальше.

«Но напрасно старался он проникнуть взорами в толпу, напрасно просил он у Бога послать ему, как луч надежды, сочувственный взгляд. На него отовсюду смотрели тупые и испуганные лица; он чувствовал вокруг себя лишь ненависть и злобу».

Да-а-а... Что-то это мне напоминает. Стоит только открыть Интернет — и «ненависть и злоба» к тем, кто более десяти лет назад, в самое трудное время, возглавлял нашу страну, так и льется с экрана...

И вот Карл, приговоренный к казни, идет из зала суда.

«...Он подошел к выходу. Здесь теснилась громадная толпа народа, который не нашел места на трибунах и желал насладиться хотя бы концом зрелища, самой интересной части которого ему не удалось видеть. Среди этого неисчислимого множества людей король не встретил ни одного сочувственного взгляда; всюду видны были угрожающие лица».

Дело даже не в сочувствии несчастному монарху, а в том, не потеряли ли мы, если судить, повторю, по записям в блогах, способность к сочувствию вообще?..

«С болью в сердце король продолжал свой путь, но не успел он сделать и ста шагов, как какой-то разъяренный человек, протиснувшись между двумя конвойными, плюнул ему в лицо.

...Одновременно раздался громкий смех и смутный ропот. Толпа отступила, затем вновь нахлы-

нула и заволновалось как бурное море».

Глава про казнь. Король прощается с детьми. Это прощание — исторический акт, и поэтому отнестись спокойно к этой сцене трудно.

Да и спокойствие монарха перед лицом смерти тоже описано так, что равнодушно читать трудно — хоть и в первый раз:

«Наконец он откинул со лба свои волосы и обратился к палачу:

— Они вам не помешают? Если хотите, их можно перевязать шнурком.

— ...Будет достаточно, если вы уберете их с шеи, — ответил глухим голосом палач.

Король отвел волосы обеими руками и посмотрел на плаху.

— Эта плаха очень низка, — сказал он. — Нет ли другой?

— Это обыкновенная плаха, — отвечал человек в маске.

— Рассчитываете вы отрубить мне голову одним ударом?

— Надеюсь! — отвечал палач.

Это слово было сказано с таким жутким выражением, что все присутствующие вздрогнули, исключая короля».

...И вот такая нехорошая вдруг пришла мне в голову мысль: сколько моих соотечественников захотели бы присутствовать при том, как деятелям 90-х годов — людям, несомненно вошедшим в историю никак не в меньшей степени, чем Карл I, рубят голову? И какая часть нашей сегодняшней толпы радовалась бы этому зрелищу?..

Дюма вынуждает сегодня над этим поразмыслить.

4.

Закончу еще одним рассуждением Моруа, с которым — заранее говорю — полностью соглашусь.

Он сумел указать нам на те свойства Дюма, за которые его полюбили несколько поколений читателей — в том числе и в России.

«Бальзака, Диккенса или Толстого совершенно заслуженно ставят выше Дюма, и я, со своей стороны, их предпочитаю, но это не мешает мне сохранять горячую любовь к писателю, который был отрадой моей юности и в котором я и поныне люблю силу, жизнерадостность и великодушие».

Вот, собственно, и всё.

И сегодня я обратила бы особое внимание юных граждан России, которые впервые возьмут в руки прославленные романы Дюма, на великодушие.

Когда-то этим душевным свойством славились русские люди.

Сегодня у нас они в явном дефиците.

Явление шедевров Прадо

Диего Веласкес
Дон Диего де Аседо, карлик
Эль Примо
Ок. 1644

Хуан Санчес Котан
Натюрморт с дичью, овощами и фруктами
1602

Вверху:
Хусепе Рибера
Благословение Иакова
1637

Шедевры мадридского музея Прадо выставлены в залах Эрмитажа. Выставка проходит в рамках программы «перекрестного» года культуры России в Испании и Испании в России. Перекрестного потому, что этот год одновременно объявлен Годом российской культуры и языка в Италии и Годом итальянской культуры и языка в России. В Эрмитаже — Прадо, а в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — «Выставка одной картины»: из Италии привезли полотно Рафаэля «Портрет дамы с единорогом». В свою очередь в Рим отправятся произведения европейской живописи конца XIX — начала XX века из собрания пушкинского музея.

Шестьдесят шесть полотен из Прадо будут доступны для публики в течение трех месяцев. Почти полгода шедевры Эрмитажа будут показывать в Мадриде: это золото скифов, прикладное искусство, скульптура, знаменитые полотна.

Прадо также знаменит, как и Лувр. Еще в конце XIX века Хосе Салаверрия в работе «Привидения музея Прадо» так оценил его значение: «Испанская история — тяжкий груз в памяти человечества... Будь у Испании только история, она бы канула в Лету. Но

у Испании есть замечательный музей, и мир о ней помнит». Грандиозная коллекция (она насчитывает более 8600 полотен) собиралась на протяжении нескольких веков королями Испании. Переданы же они были музею, который разместился в специально для него построенном здании только в 1819 году. Здание достраивалось, коллекция увеличивалась, потребовались новые помещения, и все же большая часть сокровищ хранится в запасниках.

Выставка, представленная в Эрмитаже, кажется очень представительной и поражает теснотой шедевров: их слишком много на один квадратный метр площади. Какие имена: Тициан, Эль Греко, Веласкес, Рибера, Гойя, Иероним Босх, Рубенс, Рафаэль!.. Очень много портретов. Большею частью это представители семейства Габсбургов, правивших в Испании на протяжении XIV–XVIII веков. Историки не очень высокого мнения об их политических дарованиях и личных достоинствах, хотя некоторые из них вели успешные войны. Но почти всеми ими владела наследственная страсть к коллекционированию художественных сокровищ. По обычаю после смерти короля его коллекция распродавалась. Первым, кто решил сохранить свою коллекцию, завещав ее сыну,

Франсиско
Сурбаран
Агнец
Божий
1635–1640

Вверху:
Петер Пауль
Рубенс
Мария
Медичи
1622

был Карл V. У него было много работ Тициана, он его любил, пригласил его в Испанию, не раз ему позировал, как, впрочем, и вся знать. Он купал в Италии полотна Мантеньи, Тинторетто, Беллини. Его сын, Филипп II, продолжал собирательство. Сокровища разместились в загородном дворце Эль Прадо. По имени этого дворца и был назван музей.

На портрете Тициана Карл V не кажется величественным. Во время позирования художнику пришлось многое узнать об этом человеке. Он бесконечно устал от власти, от бездушной официальности и формальности повседневной жизни. Единственным преданным существом считал свою собаку. Императору понравилась работа Тициана. Он крепко обнял художника. Это был знак исключительного признания.

Вот Филипп IV в изображении Веласкеса: «Постоянно облаченный в черное одеяние или покрытый мрачными доспехами, король — жертва своего положения, король угрюмой и пустынной страны, откуда исходит «мистическая лихорадка», король, носящий в своих потухших глазах, в своем длинном скучном лице печать вырождения», — так писал Эдгар Фор. А между тем этот король, увидев свой

Бартоломе
Эстебан
Мурильо
Мадонна
дель
Росарио
Ок.
1650–1655

портрет, законченный молодым художником, обещал не позировать никому, кроме него, немедленно пожаловал ему титул придворного, стал его покровителем и другом. Он поручал художнику закупку картин в Италии. Тот привез в Испанию полотна Веронезе, Джорджоне, Мантеньи.

Гойя писал Фердинанда VII в начале XIX века, когда в Испании были на престоле Бурбоны. Несмотря на антипатию Гойи к королю, он изображает его исполненным величия. Но ирония все-таки чувствуется. Король, его семья и придворные не увидели никакой насмешки, портрет им понравился. Фердинанд был пропаст и окружали его плохие советчики. Он не понял намерения Наполеона свергнуть Бурбонов и посадить на испанский престол своего брата Жозефа. При вступлении французских войск в Испанию в плену оказывается все королевское семейство. Испанский народ чувствует себя оскорбленным. Имя Фердинанда (наверное, и его портрет) вдохновляет испанцев на борьбу с французами.

Ни в одном другом музее мира не собрано столько работ испанских художников. И это естественно. На выставке по именам представлены многие из них: Сурбаран, Эль Греко, Гойя, Мурильо,

Франсиско Гойя
Фердинанд VII
в лагере
Ок. 1814

Антон Рафаэль
Менс
Карл III
Ок. 1761

Вверху слева:
Антон Рафаэль
Менс
Карл IV, принц
Астурийский
(сын Карла III)
Ок. 1765

Веласкес... К сожалению, их самые великие создания остались в Мадриде. Говорят, что «Менины» Веласкеса никогда не покидают страну. Но зрители увидели проникновенное по настроению «Святое семейство со Святой Анной и Иоанном Крестителем» Эль Греко, пронзительный взгляд карлика Веласкеса, пленительную и нежную Мадонну Мурильо, неожиданный жанровый сюжет Антонио Карнисеро «Подъем воздушного шара», удивительные в своей иллюзии реальности натюрморты Санчеса Котаны...

Коллекция произведений итальянского искусства обширна и великолепна. Испания всегда находилась в очень тесной связи с Италией. Долгое время неаполитанское королевство находилось под покровительством испанской короны. Славится Прадо и нидерландской коллекцией. Это объясняется в первую очередь тем, что до XVI века Нидерланды пребывали под управлением испанских Габсбургов. Когда же престол в Испании перешел к Бурбонам, королевскую коллекцию заполнили произведения французских мастеров.

Выставка свидетельствует, что вкус редко изменял испанским королям.

Лия Осипова

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–4 за 2011 год

**Гале Кулаковской 11 лет,
Саше Раскиной 5 лет 10 с половиной месяцев.
2 апреля 48.**

Шура берет Сашу на руки и переносит ее через лужу. Саша, с сочувствием:

— Тяжеленько?

*

Запись Елены Евгеньевны [*Приятельница Ф. А., уделявшая много внимания девочкам.* — А. Р.]

В день рождения Галя мы с ней беседовали.

Галя сообщила мне, что у нее нет еще силы воли, но потом будет. Насчет Саша: я объясняю Гале, что к Саше надо относиться со вниманием, так как она чрезмерно умна.

Галя:

— Тетя Лена, я этого совсем не нахожу.

(Е. Е.)

*

Шура, входя в комнату и не сразу заметив Сашу:

— А где Саша?

Саша:

— У тебя под носом.

Шура, возмущенно:

— Кто тебя научил так грубо отвечать?

Саша:

— Никто не научил, я сама научилась по книжке. Там Лиса Алиса говорит: «Буратино у вас под носом в кувшине сидит».

4 апреля 48.

Вышла книжка «12 отважных» [*Книга Ф. А. в соавторстве с Т. А. Печерниковой.* — А. Р.]. Саша сидит, читает и то и дело приговаривает подхалимским тоном:

— Как интересно! Знаешь, как интересно!

*

Шура:

— Не трогай эту стеклянную елочную игрушку — она у тебя мигом развалится.

Саша, с полным знанием дела:

— Как старый гнилой пень?

(Что делает художественная литература с этим ребенком — уму непостижимо).

6 апреля 48.

Саша уже начинает интересоваться дневником, и это плохо, потому что при ее врожденном честолюбии и тщеславии она начнет работать специально на меня.

Сегодня она спросила:

— Мама, ты записала, как я грубо ответила папе?

— Записала.

Саша, со слезами:

— Зачем, зачем записывать про плохие поступки?

Чуть погодя:

— Я теперь совсем не стану совершать никаких поступков, ни плохих, ни хороших — просто буду сидеть и молчать.

Потом, подумав, мстительно:

— Нет, я буду очень непослушная и все буду делать плохо. Ты станешь записывать, какая я нехорошая, кто-нибудь прочтет и скажет: «Почему вы так плохо воспитываете свою дочку?» Приятно тебе будет?

Вывод один: спрятать дневник подальше, чтоб она забыла о его существовании.

*

Пока я ездила в Ленинград, Шура развил бешеную деятельность: выставил Шуру, которая готовила такие неслыханные пудинги и пловы, и призвал обратно Нину. И если бы не дети, дома снова было бы тихо и спокойно. Никто не верещит у меня над ухом, никто не допытывается, почему я молчу, и я больше не испытываю желания убить человека, в сущности, ни за что, ни про что.

8 апреля 48.

Саша:

— Мама, в книжке «Почемучка» [*«Что я видел» Б. Житкова.* — А. Р.] говорится, что мамы всего боится. А у нас папа всего боится. Шея у меня голая, он боится, что мне холодно. Если на мне теплая кофта, он боится, что мне жарко. Сегодня он долго пробоялся, что я умру с голоду, потому что Нина ушла на рынок, не накормив меня. А ты ничего не боишься. Это значит, что папа превратился в тебя, а ты превратилась в папу.

11 апреля 48.

Галя играет с Сашей в «Вертолину».

— Что такое — предмет, необходимый в домашнем обиходе, начинается на букву «ж»?

Саша, не задумываясь:

— Жена!

12 апреля 48.

Саша:

— Мама, я хочу задать тебе очень-очень трудный вопрос: кто злее — мышь, которая повела Буратино в Страну Дураков, или кот Базилила и лиса Алиса?

(Что касается кота Базилилы, то так Саша называет кота Базилио).

Саша:

— Мама, в Африке крокодилы прохаживаются прямо перед домом?

13 апреля 48.

— Мама, мне что-то кажется, что у меня горло болит. *Сейчас попробую сделать глотательное движение.* (!)

Она же, читая хрестоматию для 3-го класса:

— Мама, погляди, как складно тут написано: берем ухо — орган слуха. А вообще, знаешь, это книжка для трехлетних. Мне даже смешно читать. Тут написано, что вредно ковырять острым в ухе. Еще бы написали, что в глазу нельзя ковырять острым. Как будто я этого не знаю. Это всякий ребенок знает, даже трехлетний, правда?

17 апреля 48.

Саша:

— Мама, знаешь, как по-настоящему называются глаза?

— Как?

Саша, торжественно: — Зеркало души!

*

Саша, на бульваре, указывая на славного кудрявого мальчугана лет трех:
 — Мамочка, вот в этого мальчика я давно влюбилась!
 И тут же:
 — Но тебя я на него не променяю — ты самая золотая, самая хорошая, самая дорогая!

*

Галя:
 — Мама, я спрашиваю у Саши: «Что тебе больше всего хочется?», а она отвечает: «Хочу, чтоб у меня были золотые волосы, хочу, чтоб у меня было новое платье, новые книжки, новые игрушки»...
 Смотри: всё для себя, для других — ничего.

Саша смущена:
 — Но ведь ты говорила: скажи, что тебе больше всего хочется.

Галя:
 — Ну да. Но тебе, видно, всё хочется только для себя.
 Саша, после паузы:
 — Нет, знаешь, я еще хочу, чтобы папа и мама всегда были здоровы.

Галя, одобрительно:
 — Вот это дело!

19 апреля 48.

Саша:
 — Мама, на тебя что ни надень — даже рваное платье, даже уродливое, грязное, нищенское (!) — ты все равно останешься хорошая.

— Почему же ты уговариваешь меня почаще надевать красивое белое платье, если я в любом платье хорошая?

Саша, подумав:
 — Ну, конечно, в рваном ты будешь не такая хорошая, но ведь это — *вешность!* Обманчивая вешность!

20 апреля 48.

Саша:
 — Мама, бывают такие красивые девочки, чтоб у них были волосы — золотые, глаза — голубые, брови — черные, зубы — белые и уши — чистые? Бывают на свете такие красавицы?

21 апреля 48.

Шура, Саше:
 — Ты очень плохой ребенок.
 Немного спустя, Саша:
 — Зачем же ты целуешь плохого ребенка?
 Или:
 — Три печенья — плохому ребенку?

24 апреля 48.

Саша никого не хвалит, не похвалив предварительно, или следом — меня. К примеру:
 — Мама, какой Изя счастливый, какую хорошую достал себе жену — лучше ее нет на свете, правда? Кроме тебя, конечно. Ты — всех лучше, конечно.

27 апреля 48.

Саша: — Мама, я думаю, что незабудка — это дочка или жена василька, потому что она тоже голубая.

1 мая 48.

Сегодня Саша впервые гуляла без пальто. Носилась по улице и с упоением выкликала:

— Первое Мая
 Я встречаю!
 Я встречаю
 Первое Мая!
 Первое мая — весело встречаю!

*

Саша:
 — Мама, почему на этой коробке нарисован красный олень — разве бывают красные олени?

Галя.
1948 г.

Я, лениво:
 — Это импрессионизм.
 Саша долго молчит.
 Я:
 — Ты понимаешь, что такое импрессионизм?
 Саша:
 — Нет.
 Я:
 — Почему же ты не спрашиваешь?
 Саша:
 — Я думаю, что ты и сама этого не знаешь.

*

Галя доводит меня до иступления. Сначала надевается синее платье. Осматривает себя в зеркале и мчит на улицу. Через минуту она снова дома.

— Ребята дразнят — говорят, что платье прозрачное. Долго сидит надутая, потом облачается в платье с горошинами и снова бежит на улицу. Не проходит и пяти минут, как она возвращается.

— Я не могу ходить в таком коротком платье. Всё как прежде: сидит надутая, мается, раздумывает и, наконец, — о счастье! — надевает синее платье с красным поясом. Долго расхаживает по комнате с убитым видом.

— Мне не нравится это платье, — говорит она с тоской. — У него нет воротника, я не могу без воротника.

Мы долго хором убеждаем ее, что платье славное, а отсутствие воротника даже украшает его. Кажется, всё в порядке. Но вот я слышу шорох. Оборачиваюсь: Галя снова — в четвертый раз! — переоблачается, надевая юбку с белой кофтой.

Может, в этом нет ничего страшного, но я почему-то зверею. Мне противно, что из-за таких вещей можно дуться, злиться, огорчаться. Я сначала думала, это кокетство — куда ни шло! Но это не кокетство, это какая-то блажь, истерика.

3 мая 48.

Саша, в трамвае, глядя в окно:
 — Когда я еду на трамвае, я замечаю, что земля действительно вертится.

*

Саша:
 — Мама, я все-таки думаю, что ты любишь меня больше Гали.
 — С чего ты взяла?

— Ты меня чаще ласкаешь.
— Маленьких всегда больше ласкают, чем больших.
Саша (подумав):
— Да, правда... Вот папу ты редко ласкаешь — всего полраза в день!

5 мая 48.

«Ты никогда больше не распахнешь дверь настежь: по ту сторону ее, может быть, сидит на корточках маленький человечек.

Ты будешь рассчитывать все твои жесты и сдерживать твои порывы. Поменьше пылкости и побольше силы!

Ты будешь реже смотреть в небо: тебе придется постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на одного из твоих малышей.

Ты никогда больше не будешь задвигать ящик стола толчком колена: маленькие руки проникают повсюду. Всё, что ты делаешь, ты будешь делать медленно и осторожно.

Ты никогда не будешь спать крепким, непробудным сном; малейший вздох будет тревожить тебя. При каждом крике ты будешь спрашивать себя с замирающим сердцем, не тот ли это крик... не тот ли это крик, которого ты будешь бояться всю свою жизнь.

Ты никогда больше не будешь зажигать огонь, не подумав о том, что огонь жжёт. Ты никогда больше не будешь ставить чашку с чаем на край стола. Ты будешь тушить окурки твоих папирос с сугубой тщательностью.

Ты никогда больше не будешь есть сласти, не подумав о тех маленьких ртах, которые тоже любят сласти.

Ты приучишься считать тишину в доме нелепой случайностью, почти чудом.

Ты никогда больше не скажешь с уверенностью прошлых дней: «Такого-то числа я сделаю то-то». На крыльях всех твоих проектов будет висеть «может быть».

Это так, и тебе ничего не остается, как покориться».

Жорж Дюамель. «Игры и утех».

(Очень любимая мною и Шурой книжка).

15 мая 48.

Я:

— Господи, что же мне написать в передовой к началу экзаменов?

Галя, саркастически:

— Дорогие дети, не занимайтесь, не учитесь, билетов не вторгайте, побольше гуляйте и сажайте цветы — так и напиши!

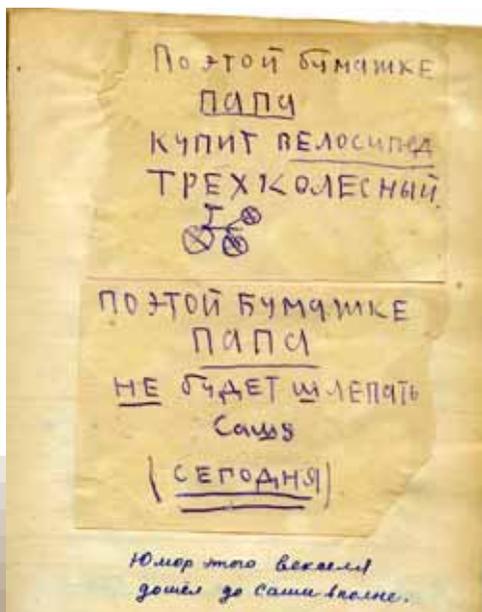
*

Саша очень мается в ожидании дня рождения. Подарки — вот мысль, которая грызет ее с утра до вечера.

Галя на деньги, которые давались ей на завтраки, купила Саше песочный прибор, автомобиль и еще какую-то музыкальную игрушку. Спрашивается, что же она ела в последние дни?

17 мая 48.

Вчера Саша вскочила ни свет ни заря и помчалась в большую комнату, где для нее был накрыт стол: подарки от меня, Гали, Нины и *вексель* от Шуры. Потом при-

шла дорогая Генри с зонтиком, потом вестовой от Сашки Б. с тортом, потом тетя Зоя с мячом, папа Аба с шоколадом и серебряной ложкой, потом... В общем, гостей было много, подарков тоже.

Саша ходила как во сне, а к вечеру призналась:

— Я так устала, что не могу даже улыбаться.

И не успели мы уложить ее, как она уснула.

*

Саша с выражением читает басню «Ворона и лисица». Прочитала, помолчала, подумала.

— А зачем лисице надо было так поступать? Почему она просто не попросила ворону: «Дай мне, пожалуйста, кусочек сыру, поделись со мной!»

18 мая 48.

Саша:

— Мне кажется, что во мне есть злорадство.

— Разве ты радуешься, когда кому-нибудь плохо?

— Нет.

— Так почему же ты говоришь, что в тебе есть злорадство?

— Мне почему-то так кажется.

*

Утро. Саша приходит ко мне в кровать. Я ласкаю ее и говорю:

— Ты моя хорошая, ты моя милая, мое солнышко.

Саша лежит тихо и удовлетворенно вздыхает. Когда я замолкаю, она говорит:

— Мама, скажи мне еще какие-нибудь такие хорошие имениннички.

Май 48.

У нас гостит семейство наших ленинградцев: Илюша, Руня и Ниночка [1].

Ниночке три с половиной. Мы водили ее в зоопарк. Она совершенно спокойно отнеслась к слону, львам, жирафу и в восторге застыла у клетки с кроликом: «Вот это зверь!» — закричала она.

Галя не отходит от нее: утром умывает, причесывает; вернувшись из школы, кормит. Саша: «Галя, ты, что ли, Ниночку больше меня любишь? Я ведь тебе роднее!»

*

Руня много времени проводит с детьми, читает, разговаривает с ними. Нынче она сказала:

— Знаешь, по-моему, есть два типа характеров, как два типа голосов: поставленных от природы — это встречается очень редко! — и искусственно поставленных в школе. Вот у Гали характер, поставленный от природы, и тут главное — не испортить его. А Саше надо ставить характер, и это всегда трудно: приходится много ломать.

Мне кажется, она не совсем права. Много на свете характеров, только, по-моему, каждый лепится жизнью. Вполне готовых характеров, пожалуй, я не встречала.

*

Илюша с Руней помогли нам перебраться на дачу и уехали, оставив Ниночку с нами на две недели. Теперь у меня три дочки.

11 июня 48.

Саша:

— Мама, ты почему не улыбаешься, ты что, царевна-несмеяна?

*

— Мама, один мальчик на дворе кричит другому: «Сука!» Ты не пугайся, это значит просто — собака.

*

На плакате цифра XXIX.

Ниночка:

— Галя, а это что за буквы, вот так переключаются?

И скрестила босые ножки.

23 июня 48.

Галино белое платье покрыто серией разнообразных пятен.

— Это — от кофе, — объясняет она непринужденно, — а это я ела землянику, а это клубничное варенье капнуло, а это...

Галя:

— Несчастливые люди, которые будут жить через 1000 лет после нас — сколько событий произойдет за это время, и им все придется учить.

Раздобыли черепаху, поят ее молоком, кормят булкой.

Назвали Найдёнышем. В первые дни были очень увлечены. Потом охладели.

Саша:

— Мама, давай играть в домино. Если я проиграю, то не буду жадной, ябедой и все свои плохие черты исправлю. А если ты проиграешь, то купишь нам с Галей и Ниночкой конфет и вот такого печенья.

Когда Шура был в Ленинграде, Саша говорила, искательно заглядывая мне в глаза: «Ты не беспокойся: я сейчас напишу папе, что ты бережешь меня, как царь золото, ведь больше беречь нельзя, правда?»

Проводили Серманов в Ленинград. Грустно без Ниночки — привыкли к ней.

27 июня 48.

Галя разбила банку с русским маслом — на полу большое масляное пятно.

— Что же делать с этим пятном? — говорю я.

— Знаю! — восклицает Саша, — давайте повсюду — и тут и там разольем русское масло — тогда весь пол будет такой же, как это пятно.

Шура (о себе):

— Великий русский писатель вставал поздно, был небрит, ничего не писал и смотрел исподлобья.

Саша, тихо:

— Ты не великий...

Шура, возмущенно:

— Вон из-за стола! Я знаю, это бабушкины происки!

Бабушка, тактично:

— Я на эти темы с детьми не разговариваю!

Тетя Соня:

— А кто же великий?

Саша, подумав:

— Пушкин!

Мы, хором:

— Откуда ты знаешь?

Саша, скромно:

— Из предисловий.

5 июля 48.

Саша, сосредоточенно разбирая игральные карты:

— Это валет. А это жена его. Как она называется — валетина или валетина?

— Саша, что ты сегодня делала?

— Мешала всем.

18 июля 48.

Саша:

— Мама, знаешь, какое у меня самое любимое занятие?

— Какое?

— Играть на нервах!

— ?

— Ну, кричать изо всех сил — очень люблю кричать. А бабушка говорит: ты играешь на нервах.

5 августа 48.

Саша, обращаясь к двухлетнему Антону:

— Антончик, это кто?

(Указывает на Шуру).

— Дядя.

— Это просто дядя или папа?

(Так сказать, высшая степень дяди).

26 августа 48.

Сидеть с Сашей за столом просто пытка. Ест она медленно, кончает позже всех, долго ковыряется в каждом куске и по ходу дела все время что-нибудь изрекает: «Молоко — вещь полезная...» Или: «В помидорах — витамины».

Валентина Николаевна пытается внедрить в ее сознание кое-какие полезные сведения: «Не ешь руками... Не болтай ложкой в воздухе... Как ты держишь вилку?»

Саша:

— Уж нельзя ребенку вилку плохо подержать...

Гостю, который принес огорчившее меня известие, Саша сказала: «Зачем вы испортили маму? Она была веселая, а стала грустная. Смеялась, а теперь не смеется».

11 октября 48.

Удивительно, непостижимо: я с великим трудом достала Гале любимую свою книжку «Записки школьника» Амичиса — и ей *не понравилась!!!*

— Скучно... — говорит она. — И потом: — Что это — большие мальчишки, а целуются друг с другом!

Я было начала объяснять: «Так ведь это итальянцы, у них характер такой...», но тут Галя меня совсем ошеломила:

— Это итальянцы? А я думала, русские!

— Как русские! Ты что, не помнишь, какие там города: Рим, Неаполь — разве у нас есть такие?

— Я думала, может, до революции были.

— Господи! Ну, а имена: Энрико, Гарроне, Франти, Старди — разве это русские имена и фамилии?

— Я подумала: в царской России всё может быть...

Саша:

— Сколько мозгу в этой утке! Наверное, умная была.

Она же:

— Папа, а зачем существует петух? Он ведь яиц не несет, пользы не приносит.

15 октября 48.

Саша, сидя у меня на коленях, прислонившись головой к моему плечу:

— С мамой всегда так уютно... Если, конечно, ты с нею не в ссоре.

1 ноября 48.

Саша:

— Мама, мы подписали с Галей договор о любви и дружбе. Чтоб любить друг друга и не обижать.

Саша:

— Мама, когда ты вышла на улицу, я спросила у своей подруги: «Красивая у меня мама?» А она отвечает: «Нет». (Пауза). Знаешь, как мне было неприятно...

18 декабря 48.

Саша:

— Мама, тетя Нора такая хорошая, что ты только ненамного лучше ее.

— А я совсем не лучше.

— Нет, лучше. Немного, но лучше.

— Да почему ты так думаешь?

— Для каждого человека его мать — самая лучшая. Вот и ты для меня — лучше всех!

Я решила: еще рано сообщать ей о существовании объективной истины — и удовольствовалась таким ответом.

26 декабря 48.

Таня пригласила Галю на «Евгения Онегина». Поэтому я сначала пересказала ей содержание, а потом почитала ей немного из романа. Саша тоже слушала — и очень внимательно.

Я:

— Онегин сказал Татьяне, что не любит ее...

Саша в ужасе:

— Так и сказал?!
Когда я читала сцену дуэли, Саша в отчаянии зажала уши.
Слушая: «Нет, поминутно видеть вас, повсюду следовать за вами...», она изрекла: «Так ему и надо!»
И, наконец: «... Но я другому отдана и буду век ему верна!»
Саша удовлетворенно воскликнула:
— Права! Права!

*

Галя начала вести дневник.

10 января 49.

Мы решаем с Галей кроссворд: «Известный советский поэт» — 8 букв, последняя «в». Галя говорит:
— Некрасов!
— Какой же он советский? — спрашиваю я.
— А разве он не советский? Ведь он же хороший.

11 января 49.

— Если бы земля вертелась с такими толчками, с какими едет обычно троллейбус, — сказала Галя, демонстрируя свою пятерку по географии, — мы все попадали бы в мировое пространство и через некоторое время превратились бы в самостоятельные планеты, *подобные* земле.

И такая манера выражать свои мысли совмещается у нее с тройкой по письменному русскому! В записке, оставленной как-то Шуре, она писала: «завтро».

Такого позора в нашем семействе еще не бывало.

*

Галя очень любит маленьких, и они ее тоже очень любят.

12 января 49.

Саша:
— Мама, что такое циркуль?
— Это инструмент, с помощью которого можно нарисовать ровный круг.

Саша:

— Так это же блюдце!

*

Галя:

— Мама, не туши свет, не уходи.

— Но ведь лампа мешает тебе спать.

Галя:

— Но мне приятно смотреть на тебя.

— Так я же сижу к тебе спиной.

Галя:

— Мне приятно смотреть на твой затылочек.

15 января 49.

Галя:

— Мама, скажи там в Союзе писателей, чтоб дали Сталинскую премию Луизе Олькот за книгу «Маленькие женщины» и Бичер Стоу за «Хижину дяди Тома».

20 января 49.

Саша:

— Мама, я была на кухне и там слышала очень интересный разговор. Все рассказывают, каким они представляют себе бога. Тетя Аня представляет себе бога маленьким, седым старичком в лохмотьях. А я думаю, что он очень высокий и что у него очень большие уши.
— ?!

— А видишь ли: тетя Аня говорит, что бог всегда всех слышит — и меня, где бы я ни находилась. Значит, у него должны быть большие уши. Иначе как бы он мог все слышать, посуды сама?

*

Галке кто-то рассказал: мать Вали Семеновы огорчена тем, что Валя вышла замуж за еврея. Галино удивление велико:

— Может, эта мать сумасшедшая? Ведь сейчас времена нормальные и все равны, — говорит она с глубочайшим изумлением.

*

Галя:

— Мама, объясни мне: почему Саша такая ревнивая?

*

По вечерам, когда Галя ложится спать, она обычно просит: «Посиди около меня».

Тогда Саша начинает вопить из соседней комнаты: «Нет, пойди лучше ко мне».

Вчера Галя сказала ей:

— Ты целый день с мамой, а я до трех часов в школе. А по вечерам, когда я дома, мама куда-нибудь улепетывает...

21 января 49.

Накануне Галя пришла к концам пионерского галстука черные полоски в знак траура. 20 января ходила вместе со своим классом в мавзолей.

22 января 49.

Галя:

— Мама, мы очень не любим нашу учительницу по истории. Знаешь, как она нам говорит: «Для меня все девочки равны — что Жукова, что Захарова — для меня все равно». Нас возмущают такие слова: чем уж так хороша Жукова и чем уж так плоха Захарова? Это обидно и гадко, правда? [Жукова — дочь маршала Жукова, Захарова — дочь школьной уборщицы. — А. Р.]

Я всегда на стороне учителя, всегда! Но тут и я ничего не могла сказать в защиту. И согласилась с Галей, что учительница не должна была так говорить.

24 января 49.

Диктор по радио: «Храните деньги в сберегательной кассе».

Саша, заносчиво:

— Сами знаем, где хранить!

Диктор: ... по адресу: «Коровий вал...».

Саша, радостно:

— Коровий бал?!

*

Утверждает, что очень соскучилась по папе. Увидев в «Крокодиле» Шурина эпиграмму, поцеловала ее.

Говорит: «Раз папа оттягивает свой приезд, значит, он по нас не соскучился», — и мстительно добавляет: «Раз так, я напишу, что тоже не соскучилась, пусть знает».

Ревнива, подозрительна, мстительна, мелочна (в отношениях с людьми). А на вещи — щедра, всегда готова подарить, поделиться, отдать.

*

Вчера читала им выдержки из «Странствия во мраке» Флавиана. Галя помнит все, хотя когда я читала вслух эту книгу впервые, Гале было всего 8 лет.

Итак, читаю: «Она любила всех своих детей, но Сэма больше всех: он был младший, последний».

Ночью Саша обращается ко мне:

— Мама, ты не спишь? Можно спросить тебя?

— Ну, спрашивай.

— Скажи, младших детей любят больше, чем старших?

— Иногда, — отвечаю я, вспомнив про Сэма.

— А когда? Когда они беззащитные?

— Да.

— Почему же ты нас с Галей любишь одинаково, ведь я младше?

— Какая же ты беззащитная? Ты сама кого угодно обидишь. И тебе уже шесть лет.

Это неосторожное замечание, я понимаю, потому что после паузы (довольно длинной) Саша спрашивает:

— А Сэму сколько было лет?

— Девять.

Саша молчит, но молчание это выразительнее всяких слов.

25 января 49.

Я:

— Галя старше тебя, и ты должна слушаться ее.

Саша, с усмешкой:

— А если она скажет: «Кидайся в колодец» — я должна кинуться?

*

Саша:
 — Мама, мне снились белые цветы — что это значит?
 — Ничего не значит.
 — Нет, ты не понимаешь. Ну, вот, например, снится собака — это значит к дружбе, мясо — к болезни, а белые цветы к чему?
 — Я не верю в сны.
 — Ну, а для тех, кто верит, что это означает?

26 января 49.

Саша находится в состоянии вечной перепалки с радио:

Диктор:

— Граждане!

Саша:

— Какие мы граждане?!

Я:

— А кто же мы?

Саша:

— Мы — товарищи.

*

Саша:
 — Мама, тебе звонили из какой-то редакции. Забыла... чего-то советское...

— «Советский спорт»?

— Нет, как-то иначе.

— «Советская женщина»?

— Вот-вот! Я потому забыла, что очень удивилась: что за такая советская женщина, у нас все женщины советские и вообще у нас все люди советские.

27 января 49.

Пришла мама Соня и напекла пирогов к Шуриному приезду. Саша посмотрела внимательно, а потом спросила:

— Это всё останется в нашей семье?

*

Форма, подаренная Гале в сентябре, превратилась в решето уже в конце первой четверти. Пришлось сшить новую. А еще ей куплены коньки и специальные к ним ботинки. Отыскала же их (это трудно!) доблестная мама Соня.

28 января 49.

Саша:
 — Мама, знаешь, я решила ни с кем из нашей семьи больше никогда не ссориться. Даже с *папой*.

Она же:

— Мама, я ищу для своего календаря красное двадцать восьмое число: сегодня хоть не воскресенье, зато папа приехал, тоже праздник.

30 января 49.

Саша:
 — Мама, вот эта история про Женю и цветик-семицветик — это правда, или сказка?

— Я думаю все-таки, что сказка.

— Мам, ну как же сказка! Ведь он пишет, что это случилось с его знакомой! Не может быть, что сказка! Это про знакомую его, понимаешь?

*

Саша:
 — Мама, ты почему нарядилась? Уходишь, или ждешь гостей?

— Нет, остаюсь дома. Просто я решила надевать красивые платья для своих детей и для своего мужа.

Саша:

— Дай я тебя за это поцелую в шейку.

Саша. 1948 г.

Рукой Ф. А. подписано: Эта фотография вырезана из журнала «Америка». Сходство с Сашей у этой девочки — поразительное. Даже выражение лица у Саши бывает в точности такое же.

*

Саша:

— Мама, что такое ульгитатим?

— Что-о?!

— *Ульгитатим*. Вот, в книжке.

Подхожу: «Тимур и его команда». Ульгитатум.

*

Саша, Анне Федоровне:

— Влюбиться и любить — это не одно и то же. Влюбиться можно только во взрослого человека и обязательно в мужчину. А любить можно кого угодно — и маленьких, и больших, и мужчин, и женщин.

Откуда у нее такие сведения? Это мне непонятно.

3 февраля 49.

Саша легла в кровать. Смотрит на меня:

— Спи, — говорю я.

— Необходимо поцеловать, — отвечает Саша.

8 февраля 49.

Гая задает Саше уроки: писать буквы, цифры. Саша очень любит это занятие. Но вот Галя поехала на Сретенку.

— Как же я буду без уроков? — огорчается Саша.

— Я могу задать тебе, потом сегодня придет к нам Анна Ивановна, она учительница, она тоже может тебя поучить.

— Нет, я хочу, чтобы Галя. Вы добрые, и ты, и Анна Ивановна. Вы обе за каждую закорючку можете поставить 5+, а Галя строгая.

— Я тоже могу быть строгой.

— Все равно, Галя строже.

Мне это нравится. То, что ей не нужны побрякки.

(Продолжение следует)

[1] См. примечание [4] к записи от 15 января 48 года в апрельском номере.

Кухонный мальчик

Рассказ

Наталья Демагина

О Наталье Демагиной и её рассказе

Рассказ, который вы сейчас читаете, — дипломное сочинение Натальи Демагиной. Им она завершала свое обучение в нашем Литературном институте. Институт этот необычный: мы даем филологическое образование юным литераторам — тем, кто показал свою литературную одаренность, пройдя два тура творческого конкурса еще перед вступительными экзаменами.

И потом — если им удастся поступить — они подадут в качестве курсовых работ, а под конец — и диплома, свои рассказы, повести, очерки, критические статьи, пьесы и стихи...

Наш институт дает широкую подготовку — он в дальнейшем помогает человеку овладеть разными видами деятельности. Демагина в последние годы работает, и очень успешно, копирайтером — в советское время я о такой профессии, или о таком занятии не слышала.

Ее рассказ, во-первых, не похож ни на что мною читанное, а во-вторых — в нем нет и тени авторского стремления к непохожести. Оба эти качества представляются мне ценными.

И еще. Давно не встречалось мне в нашей, может быть, слишком крутой современной прозе, такого добросердечия, подспудно разлитого по всему тексту и удивительным образом ставшего литературным качеством.

Мариэтта Чудакова

В обязанности кухонного мальчика входило подбирать спичечный коробок всякий раз, когда бабушка Наташа роняла его между плитой и стеною.

Бабушка Наташа была очень стара, так стара, что иногда сама забывала, сколько ей лет. Время стало для нее уже чем-то обыденным и близким. Его позволительно было забыть в магазине со сдачей. Или оставить на скамейке в сквере. Или, обронив, расколоть на три части. Очень часто бабушка Наташа забывала о времени, и, казалось, время тоже забывало о ней. Она была окутана старостью, точно неким благоуханным ароматом. Ей нравилось чувствовать свои девяносто шесть лет как сладкую тяжесть, обнимающую ее сухие плечи. Она по-прежнему хорошо помнила, когда поливать цветы и где хранятся бутылочка из-под чернил, дужка от сломанных очков и коробочка со скрепками. Обычно старость отделяет человека от мира людей, сближая и сродняя его с вещами. С бабушкой Наташей этого почти не происходило. Ведь общение с людьми, хотя и более редкое, чем когда-то, оставалось очень важным и самым ценным переживанием ее жизни. Вот только видела она уже плохо, и иногда случалось искать по полчаса какую-нибудь катушку с нитками, которая лежала вот тут же, под носом; да и наклоняться с годами становилось все тяжелее. Так что пока она, охая, качала головой и шурилась в темноту за плитой, кухонный мальчик быстро и незаметно проталкивал спичечный коробок с другой стороны, куда бабушка Наташа еще не успевала заглянуть, и быстро удирал за буфет. Там у него был маленький столик и два стула: один мальчик сделал для себя, другой для гостей, и, хотя они к нему никогда не заходили, мальчик всегда пребывал в ожидании их и не переставал надеяться на встречу. У самой стенки у него стояла кровать, застеленная вместо покрывала кружевным носовым платком бабушки Наташи. Больше мебели у мальчика не было, и это не случайно: чем меньше предметов, тем лучше они подчеркивают темноту, оставляя ей прозрачность непокоренного безмолвия. Мальчик воспринимал темноту как музыку, потому что она была добра к нему.

Иногда мальчик позволял себе притащить в свой домик навсегда потерянную бабушкой Наташей конфету, которую вместе с другими гостинцами каждую неделю приносил ей второй по старшинству сын — первого кухонный мальчик не знал, так как появился здесь уже после того, как тот умер. Лишь седенькая вдова его Полина, жившая в одном с бабушкой Наташей подъезде, частенько заходила в гости. И когда они сидели в кухне за круглым столом, обе сухонькие, в одинаковых полинявших халатах, со стороны не сразу можно было догадаться, что Полина годится бабушке Наташе в дочери. Здесь, за кухонным столом, у них было нечто вроде генерального штаба, где разрабатывались планы действий и откуда невидимые войска двигались во все стороны этого двенадцатиэтажного дома. Высохшие руки бабушки Наташи, в запястьях похожие на лягушачьи лапки, что-то медленно чертили по клеенке, где полустершиеся бледно-красные розы в обрамлении салатной зелени, бывшей некогда их листьями, двигались в сторону коричневых островов, образованных

каплями пролитой заварки. Временами они замолкали и молчали долго, так что было непонятно, думают ли они о чем-то своем или прислушиваются к тихим звукам, доносящимся из радиоприемника. В эти моменты мальчик вглядывался в их мысли, и иногда ему казалось, что он видит их. Правда, если бы его спросили, что же он рассматривает, мальчик затруднился бы с ответом. Ну что ж, это не беда, ведь маленькие мальчики не всегда понимают мысли взрослых, а тем более старух.

По традиции, установившейся когда-то, младший сын Слава приходил к бабушке Наташе каждую неделю и приносил много конфет. Его, как и старуху Полину, мальчик привык видеть в маленькой кухне. А всех, кого мальчик мог видеть, он видел снизу, с уровня пола — из щели между буфетом и стеною. Оттуда он мог спокойно наблюдать сына Славу, расхаживающего взад и вперед по кухне с радиотелефоном возле уха. Он громко разговаривал с кем-то, кого мальчик никогда не видел. Когда-то давно, когда Слава купил себе эту штуку, он долго объяснял бабушке Наташе, сидя с ней на кухне за чашкой чая с принесенными им конфетами, что это такое и как оно работает. А она удивлялась, держала необычный предмет в руках и кивала головой, охая и приговаривая:

— Ну как замечательно, ну до чего же теперь народ образованный стал, до чего же додумались. И удобно так, и по-заграничному. Ну надо же, и без провода...

Что такое радио, кухонный мальчик знал уже давно — оно жило на кухне еще до его появления. Бабушка Наташа его часто слушала, включала на полную громкость и уходила в комнату. И кухонный мальчик волею неволей оказывался в курсе всех новостей и узнавал много вещей, которых понять не мог. Так же и телефон предметом был давно знакомым и привычным — таким же родным ему, как и чайник с покоруженным бочком или худенький ветхий стул в кухне. Телефон тоже всегда жил в доме и был — зеленый, с кружочком в дырочках и увесистой трубкой, лежащей на его рогатинах. Он был уже очень старый и походил на жука-оленья, которого кухонный мальчик, конечно же, в жизни никогда не видел, зато видел в детской книжке у Лены — третьего ребенка бабушки Наташи, когда она была еще совсем маленькой девочкой, а бабушка Наташа еще очень молодой. А сейчас Леночка — это уже большая и взрослая дочь Лена, серьезная женщина, которая — опять же со слов бабушки Наташи — вышла замуж за военного и уехала жить в Воронеж. Бабушка Наташа по ней очень тосковала и, покачивая дряхлой головой, время от времени доставала из ящика какой-то старенький конвертик, приговаривая: «Ах, Лена, дочка, не пишет, в Воронеже теперь». Кухонный мальчик плохо себе представлял, какое отношение мог иметь пожелтевший конвертик к дочке Лене. Но иногда, правда, очень редко, жук-оленья вдруг оживал и трубил необычайно подолгу и пронзительно, прорезывая стоявшую тишину маленькой квартиры, воздух которой был полон лишь тиканьем бронзовых часиков и разноголосым поскрипыванием ветхих паркетин. И когда бабушка Наташа, очень спеша, но еле-еле переставляя ноги в мягких соскакивающих тапочках, наконец-то до него добиралась, то кричала в

трубку: «Ах, Леночка! Родная! Когда ты приедешь?» — и это кухонного мальчика удивляло больше всего...

То, что радио говорит разными голосами, ему уже давным-давно стало привычным. Он сложил себе впечатление о ком-то, кто может менять голос и превращаться во что-то разное, но не вполне понимал, зачем. Потому и радиотелефон никогда не был для мальчика чем-то особым, как вначале для бабушки Наташи. Он понял, что это еще одна такая штука — как телефон или почти то же, что и телефон, для того чтобы можно было разговаривать с тем, кто меняет голос и превращается в разное по радио.

Наблюдая снизу, как Слава расхаживает взад-вперед, кухонный мальчик самым наилучшим образом сложил представление о его ботинках, которые, правда, иногда менялись, но всегда были похожи, как близнецы-братья: всегда блестяли и как будто лоснились от хорошей жизни. Черты лица Славы кухонный мальчик представлял себе гораздо более смутно и расплывчато, нежели умершего сына Мити, чье лицо он знал наизусть, потому что фотография его всегда стояла на серванте в комнате. Кухонный мальчик много раз взбирался на сервант, чтобы посидеть рядом с этой фотографией. Иногда ему уж очень хотелось поговорить с кем-то. Ведь бабушка Наташа слишком плохо слышала, чтобы его услышать, и зрение ее было слишком слабым, чтобы его увидеть. Остальным людям кухонный мальчик не доверял и никогда им не показывался. Так уж он привык и в этом чувствовал какое-то особое свое предназначение.

Были на серванте у бабушки Наташи и другие фотографии, которые кухонному мальчику нравились меньше: слишком уж они казались похожими на фрагменты из настоящей жизни. Меньшие по размеру, без величественности, что ли, присущей фотографии Митиной, цветные, где фоном проступали подробности каких-то чужих, незнакомых квартир; фотографии, на которых люди словно замерли на минуту с улыбками на лицах. В фотографии же Мити ощущалось что-то совершенно особенное. Она была очень большая, в серых тонах, такая молчаливо-торжественно-грустная. На ней запечатлено было лишь одно молодое лицо, чуть повернутое, и лицо это смотрело не на кухонного мальчика, а поверх него и вдаль, в угол, где над кроватью бабушки Наташи висели два очень красивых изображения. Они нравились кухонному мальчику не меньше, а может быть, и больше.

Сживая перед фотографией старшего сына Мити, кухонный мальчик часто рассказывал ему о себе, а тот внимательно слушал и не пытался ничего сказать в ответ. Его взгляд был всегда направлен куда-то поверх головы мальчика. Вот почему мальчику хотелось разговаривать только с ним и больше ни с кем из других фотографий. Мальчик не выносил взглядов, направленных на него, он никогда за свою жизнь с ними не сталкивался, и они казались ему пугающими даже со снимков.

Правда, исключение составляли те два красивых изображения, висевшие над кроватью бабушки Наташи, в сторону которых непрерывно смотрел из рамки ее умерший старший сын Митя. Лица смотрели ласково и строго. И общо, будто во все стороны и на все сразу.

Глядя в их глаза, мальчик чувствовал что-то очень знакомое и давно им позабытое, что вот-вот должно вспомниться, но никак не вспоминается. Это было очень грустное, щемящее чувство. Наверное, его же ощущала и бабушка Наташа, когда она изо дня в день подолгу просиживала перед ними и чертила рукой, и шептала, будто *пытаясь вспомнить*. Сколько себя помнил мальчик, столько она *пыталась вспомнить*, и ее муж Леша до самой своей смерти тоже *пытался вспомнить*, правда, гораздо реже.

Путешествия кухонного мальчика простирались далеко за пределы кухни, так что всю квартиру бабушки Наташи он знал почти так же хорошо, как и свой обеденный столик. А еще из-за того, что мальчик был очень маленьким, там, где взрослый человек не видел ничего, мальчик видел дверку, через которую мог попасть в любое место квартиры. Таким образом, он открывал свою маленькую дверку на задней стенке духовки и сразу оказывался в ящике шкафа, где бабушка Наташа хранила свое белье, или в старом радиоприемнике, прохладном и темном внутри, потому что сумерки и прохлада очень любят окружать оставленные и забытые вещи. Мальчику иногда очень хотелось вырастить здесь цветы. Ему казалось, что цветы в таком пустынном и унылом месте должны вырасти необыкновенно умными, красивыми и сосредоточенными. Мальчик думал, что, оберегая их от чужих глаз, он мог бы передать им свой характер.

Однажды вечером он обнаружил новую дверку на ножке кровати и попал в незнакомую комнату, освещенную лишь настольной лампой. В полутьме вся мебель казалась словно выросшей из стен, матовой, тяжелой и живой. Лампа рассеивала сумрак, но не создавала резкости очертаний. В кроватке посреди комнаты лежал малыш. Он был обласкан и обогрет зыбким светом и улыбался своим мыслям, будто поняв тайное движение мира. Мама, убирая со лба волосы, наклонялась над ним и что-то тихонько приговаривала. Мальчик видел, как отражались на ее лице нежность и заботливое внимание по мере того, как она склонялась ниже к ребенку. Несмотря на полумрак, ей не хотелось включать больше света. Ей казалось, что комната, будь она больше освещена, утратит ту сказочность, которая придает всем предметам, теряющим очертания во мраке, красоту затихающей музыки и недосказанность. Малыш и мама так были заняты друг другом, что не замечали кого-то, кто снаружи через окно осторожно подглядывал за ними. Мальчику видно было, что этот третий, одетый в лохмотья, очень тосковал в сиреневом воздухе, разлившемся над сумеречным городом. Он выглядывал из-за стены так кротко и ласково, что казался цыганским ангелом, который случайно залюбовался на тихое счастье, окружавшее маму и младенца. Мама снова погладила малыша по гладкому тельцу и прошептала, наклонившись к самому уху:

— Я очень понимаю Бабу-ягу, которая так любит маленьких деток.

Мама осторожно целовала ребенка, и он отвечал ей резкими взмахами ручек и ножек. Между ними будто существовали тонкие разряды взаимного довольства и

привязанности, которые заставляют воспринимать жизнь как полезное и обаятельное вещество. Мама тихонько прикасалась к ребенку носом, а он неумело и довольно отталкивал ее тоненькой ручкой. Спокойствие и тишина имели в этой комнате надежную пристань.

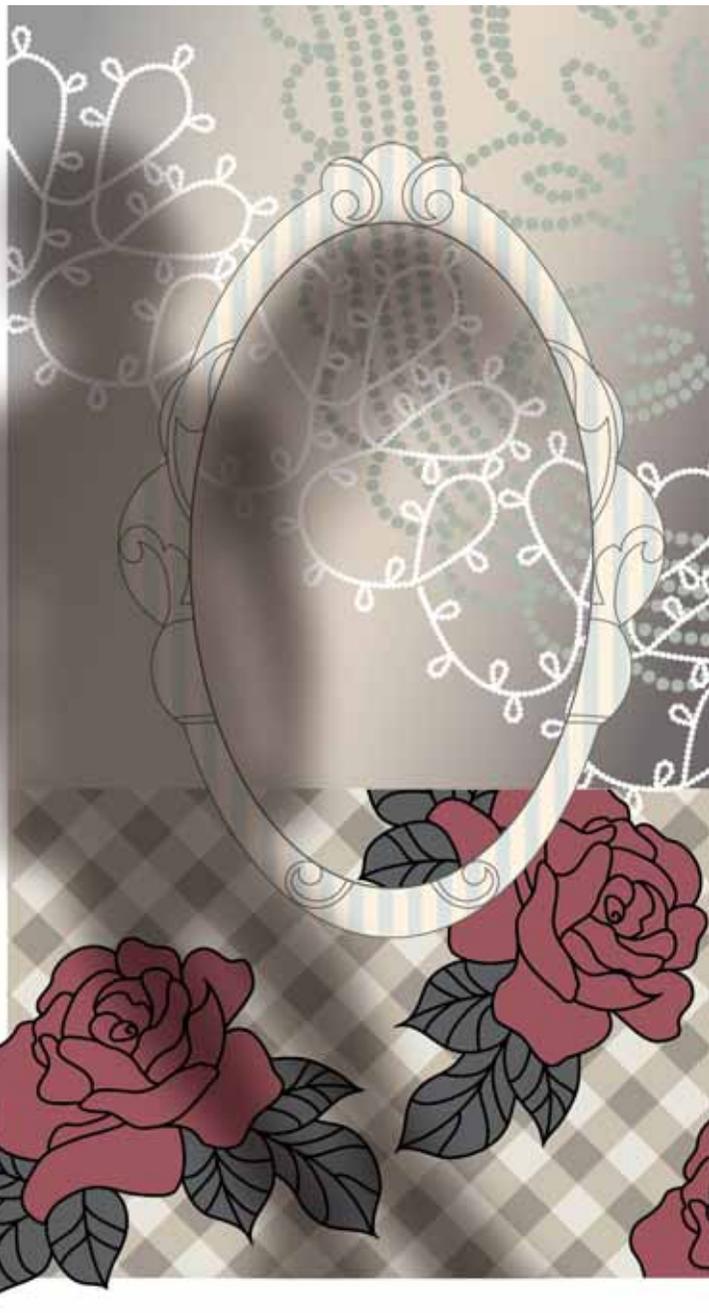
Кухонный мальчик никогда не чувствовал себя маленьким. Ему было уютно в жизни, и он не нуждался в чужом тепле, чтобы ощущать себя счастливым. Однако тут он присел и задумался; в тишине комнаты гулко тикали большие настенные часы. Время опоясывало эту комнату плотным кольцом радостного спокойствия, и только далеко за ее пределами проносился звук убегающей электрички. Сквозь приоткрытую форточку доносились запахи улицы, летучей городской гари. Мальчик обнаружил очередной проход и, открыв дверку у самого основания плинтуса, оказался на карнизе с внешней стороны окна, лицом к лицу с тем, кто подглядывал в комнату. Они посмотрели друг другу в глаза, и мальчик узнал Бабу-ягу, а она вспомнила, как раз или два видела мальчика сидевшим на карнизе в холщовой жилетке и беретике, сдвинутом на левое ухо.

Теперь у него под ногами жил своей жизнью все тот же город, опьяненный усталостью и шумом, но мальчик был уже старше и внимательней, уже без беретика, однако все в той же холщовой жилетке. Одинокая и неприкаянная фигурка Бабы-яги взметнулась вверх и вбок, быстро исчезнув в вечернем воздухе. Должно быть, она почувствовала, что здесь ей нечего делать, так как у этого дома появился свой покровитель. А мальчик стал наблюдать, как по пустырю под окном беззвучно кружат собаки, выгуливаемые перед сном. Они бегали тяжело, словно маленькие лошади, и с бестолковой резвостью вдруг принимались бросаться друг на друга. В темноте за ними виднелись черные фигуры их хозяев с зажженными сигаретами в руках; по тому, как неторопливо и плавно двигались эти огоньки, видно было, что им скучно друг с другом, что им давно уже не о чем беседовать и их скудные интересы исчерпывались первыми несколькими фразами диалога.

Иногда в гости к бабушке Наташе зазахивала третья соседка по этажу, бабушка значительно ее моложе, примерно лет на тридцать, — тетя Нина. Жизнеутверждающие интонации ее голоса выдавали в ней сильную натуру и жесткий волевой характер, закаленный работою в жэке. Голубые, выцветшие за годы, ее глаза глядели опустошающе напрямик, если так можно сказать о взгляде. Слово «напрямик» и в остальном вязалось со всей ее натурой. Терпкий запах спиртного всегда сопровождал ее. Уверенность, оптимистичность, несвойственные людям такого возраста, были столь заразительны, что передавались и окружающим. Особенно сильно это контрастировало с мягкостью и кротостью бабушки Наташи, которую, казалось, легко можно было обидеть. И потому тетя Нина относилась к ней покровительственно, как старшая подруга. Такое их соседство являлось важным тылом для бабушки Наташи, смертью мужа ввергнутой во власть одиночества.

Тетю Нину всегда сопровождала ее толстенная колченогая собачонка с черным ухом и слегка перекошенной челюстью, что, впрочем, было заметно только

при ближайшем рассмотрении — то есть кухонному мальчику. Ему было видно, что желтоватые нижние зубки у нее слегка виднелись с левой стороны, как будто она всегда криво скалилась, а может, так и было... Похожая на переваренный пельмень, собачка Бима, обычно всегда следовавшая за своей хозяйкой, закатывалась на кривых ножках в кухню, норовила сунуть нос в каждый угол, в том числе и в тот, в котором жил мальчик.

В эти минуты они встречались взглядами, и мальчик как-то съеживался, а Бима, судя по ее глазкам-бусинкам, то ли не узнавала его, то ли вовсе не видела. Трудно было разгадать это, ведь мальчик и сам не знал, виден ли он со стороны, но он никогда об этом не задумывался. Это была глуповатая собака, ничего нельзя было прочитать по ее вечно скалящейся морде. Она только сопела и фыркала, а лаяла редко, и то если пугалась сама.

...Как-то раз зашла в гости соседка Алена, та самая молодая мама, в квартиру которой мальчик навещался иногда. Она хотела бабушку Наташу сфотографировать — то есть, как понял мальчик, сделать так, чтобы на маленькой карточке, такой же, как и те другие, стоящие на серванте, появилось еще одно точное человеческое отражение и устремило куда-то свой неподвижный взгляд.

Бабушка Наташа была очень взволнована и, приговаривая то и дело: «Меня, старуху-то», повела Алену в свою комнату, качая недоуменно головой. Она согласилась сняться почти сразу, но только рядом со своим мужем, о котором говорила как о живом, имея в виду его фотопортрет. Портрет висел в деревянной полированной рамке в комнате над столом.

— Трех месяцев не дожил до своего столетия, — повторяла она и вставала к стенке справа от портрета, опираясь рукой о стол. Покойный муж с белесым старческим пухом на голове смотрел с фотографии робким и тихим взглядом. И становилось понятно, что смерть этого человека для бабушки Наташи лишь зыбкая грань, отделяющая ее существование от его, и достаточно несущественное препятствие в общении между ними. Лицо покойного мужа с портрета и ее лицо как будто были написаны рукой одного художника. То ли старость перерисовала их лица, сделав их на удивление похожими, то ли вместе прожитые годы отразились одинаковыми письменами в их морщинах. Кто же знает, что иногда делает такими схожими лица людей, когда-то очень разных, после долгого-долгого пройденного вместе жизненного пути?

— Мы уже потом часто ругались, — рассказывала бабушка Наташа молодой соседке, когда они сидели на ветхом скрипучем диванчике в квартире старушки, а малыш в застиранных ползунках ползал прямо у их ног.

— Что вы говорите! — качала головой Алена. — Вы же ругаться не умеете!

— Ну что ты, часто, часто ссорились, — отвечала бабушка Наташа, не совсем расслышав последние слова. — Бывало, сидели рядом на софе, а Леша ногу на ногу положит и покачивает. Я ему и говорю: «Ты что же ногу на ногу положил? Протрешь колени на брюках!» — а он все одно по-своему делал.

...Однажды ребенок, к которому уже успел привязаться кухонный мальчик, заболел. И несколько долгих ночей, пока у малыша держалась высокая температура и не высыпаящаяся, встревоженная мама то и дело растирала его уксусной водой, мальчик провел в изголовье кровати ребенка.

Он пользовался каждым мгновением, когда мама отходила, чтобы тихонько поцеловать его в ухо и нашептать несколько слов. Днем же мальчик отсыпался и за все это время ни разу не заходил к себе домой. Поэтому он, конечно, ничего не мог знать о том, как однажды утром бабушка Наташа, споткнувшись в коридоре, упала и никак не могла ни подняться, ни дотянуться до телефона. Она лишь громко стонала и звала на помощь.

Так случилось, что тетя Нина, вернувшаяся с утренней прогулки со своей собачкой и собранными бутыл-

ками в сумке, подходя к своей двери, услышала эти крики. Она уронила брякнувшую сумку и бросилась наверх к снохе Полине. Там они позвонили сыну Славе и срочно вызвали его с ключом от квартиры, так как дверь бабушки Наташи была заперта изнутри. Когда Слава приехал, бабушку осторожно перенесли в постель и вызвали врача. Обо всем этом не мог подозревать кухонный мальчик, который, дождавшись выздоровления ребенка, вернулся к себе домой и тут же заметил, что там что-то не так. Квартира сильно изменилась за время его отсутствия. Он не сразу мог разобраться, в чем именно заключалась перемена. Но будто задышало все в ней чахлостью, пылью и запустением.

Затаив дыхание, он тихонько пробрался в комнату, и то, что увидал там, поразило его своею белой тишиной. Бабушка Наташа лежала в разобранной постели, из белоснежного беспорядка которой выделялись лишь бесформенный островок синего одеяла и желтоватое ее лицо, обрамленное шерстяным платком. Она лежала почти без движения, и лишь приглядевшись, можно было заметить мерное вздымание одеяла у нее на груди и подрагивание ноздрей... На спящем лице ее не было написано ни страдания, ни каких-то других тревог, которые часто оставляют свою роспись среди старческих морщин. Черты ее будто бы разгладились в выражении покоя и приятия всего, что с ней происходит, как должного.

С этих пор она уже почти не вставала, и к ней каждый день стала приходиться сноха, чтобы покормить и поухаживать. Участились приезды Славы, а на лице его читалась еще большая серьезная озабоченность, чем когда-то. Иногда приходила тетя Нина и приносила что-то из своей домашней еды. От нее по-прежнему исходил тяжелый винный запах. Бабушка Наташа сжимала ее руку, чуть приподнимаясь над подушкой на локте и, вглядываясь в знакомые черты лица, ласково говорила: «Ниночка, это ты? Сегодня твоя очередь? Я так на тебя надеюсь», — и пожимала ее руку, будто пытаюсь подтвердить сказанное. Особое подбадривающее слово у нее находилось и для Славы, и для Полины, и для высокого кудрявого внука, который временами привозил ей продукты и молча выкладывал их, робея и не зная, о чем говорить со старушкой. Ему бабушка Наташа обычно говорила: «Ты же знаешь, что ты у меня самый любимый, Гришка. Что бы я без тебя делала!» — и, поправляя платок, начинала загадочно шарить рукой под подушкой. Находила там кругленький плоский кошелечек. Вынимала из него свернутую в трубочку денежку и, разворачивая, подносила к самым глазам, пытаясь что-то прочесть.

После чего все же спрашивала:

— Это сколько?

— Десять рублей, — отвечал Гришка, стараясь глядеть в сторону.

— Вот и бери.

— Не надо, бабушка.

— Бери, кому я сказала! Ты же знаешь, что ты у меня самый любимый! Знаешь? Вот и бери! А зачем мне, старой, деньги-то? Не скажешь?

Смущенный подросток не хотел брать деньги, но и не хотел обидеть бабушку. Он пытался ее как-то осо-

бенно поблагодарить, но находчивости хватало лишь на «спасибо». Весь ритуал сопровождал каждое его посещение, и он заранее готовился к нему. Бабушка Наташа путалась в деньгах, потому что зрение ее ухудшалось. Она могла перепутать рубль и десять рублей, пять рублей и пятьдесят. И приходилось объяснять ей разницу, после чего твердо отвергать ее попытку все же отдать крупную купюру.

— Это сколько? — спрашивала она, как всегда. — А что на это можно купить? — Абстрактные числа уже ни о чем не говорили ей.

— Мороженое можно?

— Можно, бабушка, целых пять.

— Вот и купи, на здоровье. Ох, что бы я без тебя делала...

Постепенно это привело к тому, что Слава стал разминивать ее пенсию мелкими купюрами и класть в ее кошелек по чуть-чуть. Под подушкой у бабушки всегда хранился небольшой запас конфет, которыми она угощала Нину. А новые узорчатые платочки, которые покупал сын, неизменно передаривались Полине.

У кухонного мальчика появилось множество новых забот. Он то и дело приносил конфетки, оброненные под кровать, и заталкивал под подушку. Там теперь всегда можно было найти разные виды карамелек, шоколадную конфетку «Маска» или «Ласточка», несколько засохших пастилок, облепленные ворсинками мармеладки и зачерствевшие кусочки булочки, оставленные на потом. Иногда приходила женщина в белом халате, садилась рядом с бабушкой и начинала что-то писать. Бабушка Наташа, побряхтывая, засовывала руку под подушку, не приподнимая над ней головы, извлекала оттуда конфетку и угощала женщину.

И другие обязанности появились у мальчика. Кусочки булочки, которые бабушка Наташа прятала под подушку, не доев, очень быстро засыхали и начинали крошиться. Бабушка Наташа вскоре про них забывала, и их скапливалось под ее подушкой все больше и больше. Кухонный мальчик отбирал самые твердые из них и уносил из постели. Пользуясь своим секретным путем, выбирался на карниз и оставлял их там для воробьев. У него было несколько знакомых воробьев, которые регулярно прилетали поживиться. Движения их были стремительны и проворны. Казалось, что они живут в своем собственном ускоренном времени. Мальчику они очень нравились, но он всегда старался держаться от них подальше, как от необузданных диких животных, казавшихся ему очень крупными. Он наблюдал за их трапезой лишь через стекло, прижавшись к нему носом. Рассматривал мельчайшие подробности их оперения, замечая самые мелкие ворсинки на малюсеньких перышках, и любовался белыми нижними пушинками, когда они приоткрывались на миг порывом ветра.

Он следил, чтобы толстые и беспардонные голуби не отнимали у воробьев их лакомства. Когда серые увальни шумно приземлялись на край карниза, ударял по стеклу коленкой и спугивал их. Иногда воробьи хватили клювиками крупные кусочки засохшего хлеба и стремительно срывались вниз, тем самым лишая мальчика тайного удовольствия наблюдать за ними.

Сын Слава всегда считал, что кусочки засохшего хлеба на подоконнике — затея снохи Полины. Полина думала на тетю Нину, да и сама стала иногда высыпать на подоконник остатки залежавшегося хлеба, предварительно его измельчив. Тетя Нина, конечно же, думала, что весь корм для птиц выкладывает сноха. А мальчик так и не знал, догадывались ли воробьи о его существовании, но сам в глубине души считал их своими друзьями.

соседней квартиры. Мальчик думал, что с годами кожа растет и растет, ее становится слишком много, и от этого она морщится. А у ребенка ее еще очень мало, поэтому она гладко натянута на его тельце. Не знал только кухонный мальчик, почему все остальные люди были так не похожи на этих двоих. Почему о них совсем не хотелось заботиться. Но мысли его никогда не заводили дальше.

Перетаскать все крошки из постели было трудом для него непосильным. Конечно, сноха регулярно сменяла и перетряхивала белье у бабушки Наташи. Вот только не подозревала она о том, что без чьей-то тайной помощи приходилось бы ей это делать гораздо чаще.

Бабушка Наташа оставалась такой же приветливой, радовалась каждому и всех благодарила. Но с каждым днем она становилась все беспомощнее, и у ее кровати стали появляться прямоугольные пачки с такими белыми и мягкими подгузниками, которые мальчик видел раньше только у детской кровати в пачках поменьше.

Мальчик совсем перестал бывать у семьи с ребенком. Своих забот ему и так хватало. Ему казалось, что от бабушки Наташи нельзя отойти.

Однажды ночью мальчик проснулся от криков. Он перепугался и бросился в темноте в комнату, споткнувшись по дороге о ножку стула. Голубоватыми пятнами свет от луны был разбросан по всему полу.

«Лена!» — четко и с интервалами выкрикивала бабушка имя дочери. Потом закричала: «Мама! Мама!», — не так, будто боялась, а словно звала. Потом замолкла. Мальчик осторожно забрался к ней на подушку и увидел, что глаза ее закрыты. Как тут неожиданно она снова крикнула: «Ставь самовар, чай будем пить. И булочку возьми!»

После этого она стала тихонечко похрапывать и больше уже ничего не кричала.

Мальчик, удивленный и сонный, еще посидел немного рядом, но незаметно заснул среди седого пуха выбившихся из-под платка ее волос. На следующий день приходила сноха. Мальчик видел, как она вынимала из-под одеяла у бабушки Наташи желтое металлическое судно, а потом долго ополаскивала его в ванной, и шум воды весело разносился по всем уголкам квартиры. Он вспоминал слова, услышанные им ночью, и серьезно обдумывал их. «Что же значило, когда бабушка звала маму?» — думал он. Неужели у нее тоже когда-то была мама? И хотя более всего печаль теперь ощущалась в воздухе этого дома, все же одно маленькое чудо однажды случилось в нем, свидетелем которого был мальчик.

Большая шоколадная бабочка, непонятно откуда взявшаяся в это время года, сидела на шторе в комнате. Не на самом верху, а чуть ниже того места, куда бабушка Наташа прикалывала иголки, чтобы их не потерять. На уровне ее поднятой над головой руки. С того края, где стоял у стены старинный шкаф, или «шкап», как любила его называть Полина, ощущая особое очарование этого слова. Бабочка сидела, как неживая, и вторая такая же неподвижно сидела отражением в потрескавшемся и почерневшем от времени зеркале на створке шкафа.

Часто он занимался более обстоятельной уборкой в постели бабушки Наташи. Он отыскивал крупные и твердые крошки, расплзавшиеся из-под подушки по всей простыне, и сбрасывал их на пол. Ему хотелось, чтобы ничто не ранило нежную кожу старушки. Он видел на близком расстоянии, какая она белая и сморщенная, как пенка на кипяченом молоке. И думал, что такая же нежная кожа была еще и у грудного ребенка из

Она была довольно крупная, в каждом из уголков ее крыльшек виднелся серебристый кружочек, словно зрачок. Выражение этих четырех глаз, расставленных среди тоненьких линий, было доброжелательным и удивленным. Наверное, бабочка была больше мальчика, но ему трудно было определить снизу ее размер, да он и не пытался. «Лицо» на ее крыльях говорило с ним вполне дружелюбно. И он, замороженный, осторожно приблизился к шторе и уже стоял совсем под ней, закинув вверх голову.

Была глубокая осень, вот уже несколько дней стояли сильные холода, и долгие серые дни мальчик то и дело посиживал на подоконнике между цветочными горшками. Он наблюдал, как мощные порывы осеннего ветра заставляли склониться в едином движении всегда казавшиеся такими крепкими деревья под окном. А тут — бабочка, словно привет из лета. В тот день неожиданно появилась взволнованная грузная женщина с рыжими волосами, убранными в пучок. Оказалось, что это и есть дочь Лена — мальчик не узнал ее. Она обнимала бабушку Наташу, тихонько всхлипывала и называла ее мамой. Она говорила, что сегодня у бабушки Наташи день рождения и что она «вырвалась» сюда, чтобы забрать ее к себе в Воронеж, что там ей будет хорошо.

А бабочка вдруг сорвалась с места, будто подхваченная порывом ветра, и порхнула в тот угол комнаты, где была постель. Покружив, нерешительно присела на спинку кровати.

Женщина, увидев это, всплеснула руками и стала показывать бабочку бабушке Наташе, удивляясь, откуда она взялась. А потом сказала: «Да ведь это же она к тебе на день рождения прилетела, мама», — и бабушка Наташа тоже очень удивлялась и радовалась.

А через несколько дней бабушку Наташу увезли, и квартира долго пустовала. Кухонный мальчик жил в пустой квартире, почти не покидая ее, и ждал, когда вернется бабушка Наташа. Он уже очень долго ждал ее возвращения, но вместо нее вдруг стали приходиться совсем чужие люди, которые с шумной деловитостью переворачивали все в квартире вверх дном и заколачивали в стены гвозди, шумно переговариваясь между собой. Особенно тяжело было мальчику переносить ужасный прорезывающий воздух звук, начинавшийся, когда они вонзали металлическую машинку с острым наконечником в стену, погружая его все глубже и глубже. Весь воздух будто начинал вибрировать в пронзительном завывании. Мальчик сразу убегал к соседям и отсиживался там, спрятавшись среди мягких игрушек и пережидая весь этот шум, который был слышен даже оттуда. Но однажды он понял, что так продолжаться больше не может.

Когда мальчик принимал решение, он старался не думать о бабушке Наташе. Только связав в узелок все свои пожитки, он провел рукой по столику, смахивая с него пылинки, взял крошечный клочок бумаги и, присев, написал кусочком грифеля от карандаша следующую записку: «Бабушка Наташа! Я Вас очень люблю, и мне без Вас будет жизнь не в жизнь. Но иногда бывает так — нужно что-то делать, чтобы быть достойным своей жизни. Если же ты ее недостойна, то жить очень грустно».

Мальчик написал эту записку для очистки совести, поскольку знал, что бабушка Наташа никогда ее не прочтет: ведь она не могла разглядеть даже спичечный коробок, куда ей было разобраться в крошечных каракулях мальчика. Кухонный мальчик так и оставил записку на своем столике: в конце концов, какая разница, где ее не прочтут. Он еще раз посмотрел на свою кровать, убедился, что она тщательно заправлена, и, не оглядываясь, покинул свою комнату. Она казалась ему теперь маленькой, пыльной и необыкновенно скучной, словно стершийся типографский знак. В памяти мальчика осталось, что под потолком было что-то серое, волокнистое, обрамленное тоской и беспокойным ожиданием красоты.

И кухонный мальчик сразу же забыл свою комнату, так, как если бы он бывал в ней случайно всего пару раз. Он открыл почти незаметную дверку на ножке кровати и оказался возле младенческой колыбели. Малыш давно спал, до подбородка прикрытый тонким шерстяным одеяльцем. Он осторожно и часто дышал, словно прислушиваясь к тишине, окутывающей комнату. На кухне мама звенела посудой сквозь шум льющейся воды. Мальчику захотелось получше запомнить эту тишину и этот отдаленный звук льющейся воды, потому что с новым домом, казалось ему, стоило сразу устанавливать хорошие отношения. В первый момент мальчик подумал устроить новый дом, как и прежде, на кухне, но тут же ему пришло в голову, что у него началась теперь совсем другая жизнь, а значит, нужно и устраиваться по-новому. Он нашел комнатку недалеко от младенческой кровати. Так, чтобы, даже не выходя из комнаты, малыша все время было видно. Кухонный мальчик испытывал к нему необъяснимую трепетную нежность, хотя и был сам намного меньше его. Кухонному мальчику захотелось ухаживать за малышом, оберегать это маленькое тельце, чтобы малыш полюбил его так же, как и свою маму. Эту ночь мальчик, как верный рыцарь, просидел у кровати младенца. А когда в окне, далеко за полночь, появилась его старая знакомая, он посмотрел на нее таким взглядом, что она растворилась в ночи, быстро, как сон. Он сидел на стульчике нога на ногу, и ему было легко и весело, будто он искупался в ледяной воде. Мальчику совершенно не хотелось спать, и в голове его кристальная ясность мысли сочеталась с теплым и обнадеживающим чувством собственной нужности.

Кухонный мальчик прожил здесь уже много дней, а ощущение собственной нужности и деловитое довольство не оставляли его ни на миг. Все предметы этой квартиры стали ему знакомы так же, как и сама эта назревшая необходимость жить по-новому. Мир не казался ему больше веселой птицей, теперь он представлял его в виде твердого и аккуратного механизма, где все разложено по полочкам и все выглядит, будто сделано заранее и со смыслом. Мальчик убирал в комнате, ночью, когда малыш волновался, он давал ему соску; кроме того, кухонный мальчик стал отыскивать пропавшие вещи и, если они были не слишком велики, клал их на середину обеденного стола. Умная и правильная жизнь обступила его со всех сторон.

Иллюстрации Татьяны Касьяновой

Пишем историю вместе

Последняя четверть 2010–2011 учебного года ознаменовалась подведением итогов всероссийского конкурса среди учителей «История девяностых». Это первый масштабный конкурс, проведенный Общественным советом «Уроки девяностых» совместно с «Учительской газетой» — на победу претендовали 134 работы от 142 участников из 118 городов и населенных пунктов России.

Идея конкурса заключалась прежде всего в повышении качества знаний истории современной России, создании цельного и объективного образа недавнего прошлого нашей страны. Не секрет, что «девяностые» представлены в учебниках довольно скупо, а изложение материала отличается схематичностью. Организаторы также ставили своей целью побудить преподавателей общественных дисциплин использовать в проведении уроков новейшие методологические рекомендации, в частности, разработанные в рамках проекта «Уроки девяностых» профессором Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Евгением Вяземским. Приветствовались и собственные педагогические наработки и технологии преподавания этого исторического периода в рамках дисциплин «История», «Обществознание», «Граждановедение». И, конечно, важно было пробудить интерес к этому переломному моменту истории нашей страны у педагогического сообщества.

Конкурс проводился по трем номинациям. Наибольшее количество заявок собрала номинация «Сценарий урока» — 55 работ; в номинации «Живая история» была подана 51 заявка, «Сценарий внеклассного мероприятия» предлагался в 28 заявках.

Экспертная комиссия отметила высокий уровень работ и заинтересованность участников конкурса, их стремление к объективному анализу этой сложной эпохи. Член жюри истории, обществознания и права из Перми, лауреат конкурса «Учитель года России — 2009» Дмитрий Поносов с удовлетворением отметил, что «в основном педагоги выбрали активные методы обучения, которые способствуют включению школьников в процесс познания и формируют их отношение к истории». «Если все эти разработки были проведены в образовательных учреждениях России, то попытка диалога 2010-х и 1990-х годов состоялась», — считает он.

Сами учителя с энтузиазмом отнеслись к конкурсу. «В процессе подготовки урока поняла, насколько актуальным является проводимый вами конкурс. Практически отсутствуют методические разработки, трудно найти документы, фото и т. д. Время проведения данного урока приходится на конец апреля, когда полным ходом идет подготовка к экзамену и 90-е годы изучаются, что называется, на бегу. Нет времени и сил на должном уровне подойти к изучению этого вопроса. Участие в данном конкурсе независимо от результатов уже принесло мне огромную пользу. Изучив большое количество материала, я сама по-новому открыла для себя эти годы», — говорит учитель истории из города Южноуральска Челябинской области Марина Шаронова.

Жюри отобрало лучшие конкурсные заявки. Все они отличаются взвешенным историческим подходом и оригинальностью подачи материала. В номинации «Живая история» первой стала преподаватель обществознания из Ижевска Ирина Чирикова. Победитель в номинации «Сценарий урока истории, обществознания, граждановедения» — учитель обществознания и права из города Полевской Свердловской области Ольга Пашиева. Лучший сценарий внеклассного мероприятия прислала учитель истории и обществознания из Йошкар-Олы Марина Тыртышная.

С работами победителей можно ознакомиться на сайте проекта «Уроки девяностых» — uroki90.ru

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в июне 2011 года:

- июньские фотоконкурсы детского обаяния;
- «Цирковая викторина» с призовыми билетами в цирк;
- очередные развивающие стенгазеты для детей 6–12 лет;
 - фотоконкурс «Поделись улыбкою своей»;
- детский ежедневный астрологический прогноз на июнь; и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

С 1 сентября открывается подписка на «Семью и школу» на 2012 год

В любом отделении связи вы сможете оформить подписку на журнал по одному из следующих индексов:

- 70909** (подписка на первое полугодие) и
- 72372** (годовая подписка) — Агентство подписки и розницы, оформление по Объединенному каталогу «Пресса России»;
- 70906** (подписка на первое полугодие) и
- 83335** (годовая подписка) — Агентство «Роспечать», получение журнала бандеролью, оформление по каталогу «Роспечать»;
- 99351** (подписка на первое полугодие) и
- 11387** (годовая подписка) — Межрегиональное агентство подписки, оформление по каталогу «Почта России».

Можно также подписаться через редакцию.

В июле и августе проходит досрочная подписка на журнал по ценам 2011 года.

Продолжается подписка на оставшиеся месяцы 2011 года.

Подробности — на сайте mag7a.narod.ru

Чем накормить малыша в жару?

Когда стоит жаркая погода, большинство вполне здоровых детей не хочет есть (такое нередко можно сказать и о взрослых). Это связано с тем, что организм теряет с потом много жидкости и пищеварительные соки вырабатываются намного хуже. Можно не заставлять малыша есть в жару полный обед, а ограничиться прохладным фруктовым супом, компотом, йогуртом или фруктами, а на полдник или на ужин дать что-либо более существенное.

Обязательно давайте ребенку побольше пить — это пробудит в нем аппетит и позволит не страдать от обезвоживания. Для питья не следует использовать газированные напитки — в их состав часто входят различные подсластители и красители, которые не принесут пользы малышу. Лучше дать ребенку разбавленный водой сок, компоты, морсы или отвары сухофруктов. Можно утолять жажду кисломолочными продуктами или коктейлями на их основе.

Для детей от года до полутора лет

Яблочно-творожный пудинг

Творог — 100 г, яблоко, чайная ложка панировочных сухарей, чайная ложка сливочного масла, половина яйца, варенье, 2 чайные ложки сахара, немного соли.

Протереть творог сквозь сито, соединить с панировочными сухарями, желтком, сахаром, очищенными и натертыми на терке яблоками. Взбить в пену белок, осторожно ввести его, перемешивая, в творожно-яблочную массу. Форму смазать маслом и выложить пудинг. Закрывать крышкой и варить пудинг на водяной бане 40 минут. Готовый пудинг полить вареньем. Вместо яблок можно натереть на терке кабачки. К столу подавать со сметаной или со свежими фруктами.

Для детей от полутора до двух лет

Салат из бананов и сельдерея

Половина банана, небольшое яблоко, небольшой помидор, половина корня сельдерея, лист салата, столовая ложка сметаны, чайная ложка мелко нарезанной зелени петрушки, чайная ложка оливкового масла, немного соли.

Вымыть и очистить яблоко, банан, корень сельдерея, салат. Мякоть банана, сельдерея, яблоко, салат нарезать мелкой соломкой. С помидора удалить кожицу. Нарезать помидор ломтиками. Перемешать и заправить оливковым маслом, немного посолить. Сметану перемешать с зеленью и полить ею салат.

Клубника с рисом

Полстакана клубники, 2 столовые ложки отварного риса, 2 столовые ложки сметаны, 2 чайные ложки сахара.

Клубнику перебрать и вымыть. Разрезать каждую ягоду на четыре части и добавить в отваренный рис. Сметану смешать с сахаром и взбить миксером или вилкой. Добавить сметанный соус в смесь риса с клубникой и перемешать. (Клубнику можно заменить фруктами или ягодами, не вызывающими аллергии).

Салат «Изюминка»

Одна морковь, яблоко, чайная ложка тертых грецких орехов, чайная ложка изюма, столовая ложка сметаны.

Сырую морковь и яблоки натереть на крупной терке, ядра орехов растереть, перемешать, добавить заранее замоченный и отжатый изюм, заправить сметаной. Такой салат можно также заправить сладким йогуртом.

Сладкая окрошка с кефиром

Стакан кефира, половина яблока, половина груши, столовая ложка черники или смородины, 2 чайные ложки сахара.

Вымыть и мелко нарезать яблоко. Грушу, ягоды слегка размять, всё перемешать. Посыпать сахаром и залить кефиром. В такое блюдо можно добавить разные фрукты или ягоды (абрикосы, сливы, вишню).

Суп летний с кефиром

Небольшой свежий огурец, стакан кефира, полстакана воды, столовая ложка растительного масла, вареное яйцо вкрутую, зубчик чеснока, чайная ложка мелко нарезанного укропа, чайная ложка мелко нарезанного зеленого лука, соль.

Смешать кефир и воду, немного посолить и взбить миксером. Вымыть и мелко нарезать зелень и лук. Огурец очистить и натереть на крупной терке. Добавить в кефир огурец, рубленое яйцо, растертый чеснок, растительное масло, рубленую зелень и лук.

Для детей от трёх до шести лет

Суп яблочный с хлебом

По одному ломтику пшеничного и ржаного хлеба, яблоко, четверть лимона, чайная ложка изюма без косточек, чайная ложка сливочного масла, немного корицы.

Нарезать и подсушить хлеб без корочек. Вымыть и очистить от семечек яблоко, разрезать его на четыре части. Изюм перебрать, промыть и замочить в теплой воде. Снять с лимона цедру. В кастрюлю положить лимон, яблоко и хлеб, всыпать корицу, варить не более пяти минут при слабом кипении. Протереть содержимое через сито и залить 300 мл кипятка. Добавить изюм и варить еще пять минут. К столу подать, приправив сливочным маслом и сахаром.

(По книге А. Волоховой и В. Панковец «Питание ребенка от А до Я. 3000 рецептов полезных и вкусных блюд для детского питания», издательство «Харвест», 2008)

Игры на свежем воздухе

■ *Передвигайся незаметно*

Играют в лесу. Ведущий ставит задачу играющим: передвигаться за ним скрытно, находясь на расстоянии 30–40 метров. Играющие занимают места на этом расстоянии, ведущий отправляется вперед, играющие — за ним. Время от времени ведущий останавливается, оборачивается и старается заметить кого-либо из преследующих его. Замеченный и названный по имени пристраивается к нему. И так до тех пор, пока не останется один, кого ведущий заметить не смог, хотя тот условий игры не нарушал и соблюдал указанную дистанцию.

■ *А ну, прячься!*

Ведущий считает до двадцати, закрыв глаза. За это время играющие разбегаются в разные стороны и прячутся. Закончив счет, ведущий кричит «Начинаю искать!» и осматривает все кругом, не сходя с места. Кого увидит, называет по имени. Выигрывает тот, кто будет обнаружен последним.

■ *Слушай!*

Для игры лучше всего подходит такое место, где много сухих веток и листьев — в общем, всего такого, что шуршит и хрустит под ногами. Один из играющих — часовой. Его ставят около дерева (он его охраняет) и завязывают ему глаза. Остальные расходятся в разные стороны метров на пятьдесят.

Ведущий стоит рядом с часовым. По его сигналу играющие начинают бесшумно приближаться к часовому, чтобы коснуться часового или охраняемого им дерева. (Кому это удастся, тот и станет часовым. Услышав шорох, часовой кричит: «Стой!» — и указывает рукой направление, в котором, по его мнению, находится нарушитель. Если направление будет указано правильно (пусть и с небольшой ошибкой), ведущий велит нарушителю выйти и подойти к нему. Тот подходит и до конца игры ведет себя тихо, чтобы не мешать часовому. До тех пор, пока увиденный не подойдет к ведущему, остальные не имеют права сдвигаться с места. Игра заканчивается по истечении установленного времени (скажем, через

20 минут). Часовой побеждает, если сумеет обнаружить всех нарушителей. А подкрадывающийся победителем может стать, если ему удастся коснуться часового (или ближе других подкрасться к нему).

■ *Замаскировались?*

Игра проводится в редком лесу, в кустарнике. Водящий закрывает глаза, кричит: «Прячьтесь!» и считает до десяти (пяти). За это время играющие должны замаскироваться. Закончив счет, водящий кричит «Ищу!», открывает глаза и начинает просматривать все вокруг. Обнаружив спрятавшегося, он называет его по имени. Если имя названо правильно, ведущий, находящийся вблизи спрятавшихся, велит узанному выйти. Так один за другим узанные садятся рядом с водящим, не мешая ему наблюдать за местностью. Через 5 минут ведущий дает сигнал к окончанию игры, и не обнаруженные игроки выходят из укрытий.

■ *Ходи неслышно*

Эта игра возможна только в полной тишине. Играющие располагаются по кругу. В центре водящий, вокруг него разложены несколько мячей (булав, городков). Водящий закрывает глаза. По сигналу ведущего один, двое или трое играющих неслышно подходят к лежащим предметам, тихо берут по одному каждый и возвращаются на свои места. Водящий старается услышать или угадать, когда играющий берет предмет. Когда он более или менее уверен в том, что услышал, то говорит: «Стой!» — и показывает рукой в направлении играющего; тот выходит из игры, если водящий прав. Если же водящий не угадал, посылают новых игроков брать предметы.

■ *Берегись медведя*

Играющие становятся в круг. Посередине на скамеечке сидят медведь и его сторож. Оба держат в руках концы полуметровой веревки (на концах которой узлы, чтобы легче было держать). Стоящие кругом осторожно пододвигаются к медведю, стараясь его коснуться. Но и медведь, и его сторож могут схватить игрока. Если им

это удастся, то схваченный становится медведем, а медведь — сторожем. Но схватить играющего нелегко, так как медведю и сторожу мешает веревка, которую они не должны выпускать из рук.

Фото Елены Боковой

■ *Подберись к часовому*

Игра проводится в лесу или в кустарнике. Одного из играющих назначают часовым у будки (обозначается флажком); все остальные — разведчики — вместе с ведущим уходят примерно на 100–150 метров, прячась в укрытия. Ведущий возвращается и, остановившись неподалеку от будки, дает команду к началу игры.

Разведчики пытаются подкрасться как можно ближе к часовому, но тот внимательно наблюдает за всем происходящим, поворачиваясь из стороны в сторону. Эти повороты разведчики используют для того, перебежать или переползти к новым укрытиям. (Меняться одеждой, чтобы обмануть часового, нельзя.) Если часовой заметил разведчика, он называет его по имени и тот выбывает из игры — он ранен. Но если разведчик назван неправильно, он не отзывается. Когда условленное время пройдет, ведущий дает сигнал к окончанию игры; все разведчики выходят из укрытий. Оказавшийся ближе других к часовому считается победителем.

панорама

Британский миллиардер сэра Ричард Брэнсон задумал поставить очередную рекорд — совершить по-

гружение на дно одного из глубочайших океанов планеты. Этот смертельный трюк — один из этапов экспедиции, предпринимаемой им совместно с американским моряком Крисом Уэлшем. Погружения в самые глубокие впадины всех пяти океанов Земли будут совершаться в одноместной подлодке Virgin Oceanic. Если все пройдет благополучно, участники экспедиции поставят до 30 рекордов для Книги Гиннесса, в том числе совершат пять глубочайших погружений в истории.

Брэнсон и Уэлш (на снимке) будут управлять субмариной по очереди. Первое погружение состоится в западной части Тихого океана в конце нынешнего года. Путешественнику придется провести до 12 часов в крошечной тьме и холоде в крошечной рубке субмарины. Океанские глубины — последний пока неизведанный простор для человечества, подчеркнул Брэнсон. «На Луне побывало больше народу, чем на глубине более 20 тысяч футов», — пояснил он.

Уэлш, старший рулевой первого погружения, опустится в Марианский желоб в Тихом океане, на глубину 11 033 метра. Брэнсон совершит второе погружение — в желоб Пуэрто-Рико (8605 метров) в Атлантическом океане. По его словам, главная опасность — зацепиться за снасти затонувших галеонов на дне.

Первоначально этот проект задумал путешественник Стив Фоссетт, в 2007 году погибший в Калифорнии в загадочной авиакатастрофе. «Мы будем погружаться в знак уважения к Фоссетту и в память о нем», — заявил Брэнсон.

Пожалуй, самая знаменитая голливудская киноактриса XX века, Эли-

забет Тейлор, скончалась на 80-м году жизни.

Родившаяся в 1932 году в Лондоне, Элизабет Тейлор стала одним из символов Америки — как собственно в профессии, так и в качестве культовой фигуры. «Место под солнцем», «Гигант», «Сладкоголосая птица юности» по Теннесси Вильямсу, знаменитая «Клеопатра» — где Тейлор стала первой актрисой с гонораром в миллион долларов... Полвека кинокарьеры, два «Оскара» — «Баттерфидл, 8» (1960 год) и «Кто бо-

ится Виржинии Вульф» (1966 год).

В последнее время, более обсуждались перипетии личной жизни Элизабет Тейлор и ее дружба с Майклом Джексоном (Тейлор — крестная мать его детей). Именно уход из жизни Джексона, как утверждают, стал причиной последней болезни Элизабет Тейлор.

Сообщается о скором появлении фильма-биографии «Яростная любовь: Элизабет Тейлор, Ричард Бартон и свадьба века». Роль Тейлор в этой картине могут сыграть либо Кэтрин Зета Джонс, либо Анжелина Джоли.

Об Элизабет Тейлор говорит нью-йоркский обозреватель Радио Свобода писатель Александр Генис:

— Великая киноактриса — это женщина, которая может играть разные роли. Элизабет Тейлор всегда играла себя, хотя очень по-разному. Если бы сделать статую Голливуда — как делаю статуи Марианны, которая олицетворяет Францию, — то Элизабет Тейлор подошла бы для модели такой статуи. Элизабет Тейлор и была Голливудом. Самые лучшие ее роли — это Клеопатра и женщина, которая 8 раз была замужем: и то, и другое — большой успех. Элизабет Тейлор была знаменита и как актриса, и как жрица любви: ее личная жизнь была настолько скандальной, что ее осуждали и Ватикан, и американский Конгресс. На самом деле Элизабет Тейлор олицетворяла скандал. В этом смысле ее жизнь была полна гламура, того самого гламура, по которому тоскует сегодняшнее кино; оно уже давно не такое яркое и интересное, как было в те времена. В 1960 году, когда Элизабет Тейлор снималась в «Клеопатре», она считалась самой знаменитой актрисой в мире. Не лучшей — но самой знаменитой. И это говорит о многом.

Элизабет Тейлор — это идеал Голливуда. На рубеже 50–60-х годов XX века наконец полностью сформировалась легенда Голливуда, его миф. И в этой легенде очень большое уча-

стие принимали люди, которые сознательно и с наслаждением играли вот такую роль — принцев высшего света. Одним из них был Хичкок, который вел себя именно так и вызывал всеобщую зависть, любовь, восхищение. Другим подобным человеком была, конечно, Элизабет Тейлор. Не будем забывать, что Элизабет Тейлор — возможно, самая красивая женщина в Голливуде. Когда она родилась — как рассказывает легенда, которую она же и распространяла, — у нее 8 дней не открывались глаза; но когда они открылись, все были поражены их красотой. У нее были вальковидные глаза. Конечно, эта красавица, которая влюблялась на экране и влюблялась на съемочной площадке, была неотразима.

Почему в Голливуде происходит такая матримониальная суэта, почему так часто женятся, разводятся? Актёры говорят, что очень трудно играть любовь, не влюбляясь. Элизабет Тейлор любила всех, с кем она играла. Она сказала однажды, что лучше всех ей было играть с лошадьми и собаками, потому что они были самыми естественными. Ее первая роль — девушка, влюбленной в свою лошадь. Элизабет Тейлор настолько воплотила себя в миф Голливуда, что срослась с ним. И в этом отношении, конечно, я не знаю ей равных. Разве что, наверное, Мэрилин Монро.

панорама

Она была совершенно разбита всевозможными болезнями, у нее была страшная опухоль в голове, у нее болела спина, она передвигалась в инвалидной коляске, и свои деньги

это значительный шаг вперед. Он дает людям в распоряжение недорогую технологию, которая может быть использована для внедрения «полезных» генов в дикую популяцию кома-

нилось 105 лет. Она в форме, но хотела бы умереть. Говорит, что ее тело, пусть даже она многое еще может делать сама, не доставляет ей никакого удовольствия. Более того, оно ей

она вкладывала в благотворительность. Не все, конечно, потому что она еще очень любила драгоценности — что тоже характерно для особы своего рода королевской крови, к которой она по праву принадлежала в связи со своей работой в Голливуде. И, конечно, для Голливуда это не только потеря, но и парадные похороны. Похороны, положенные королевам.

ров с помощью сравнительного небольшого числа особей с модифицированными генами.

Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, от малярии каждый год умирают около миллиона человек.

Ранее различным группам ученых удавалось создавать комаров, не переносящих малярию, путем внедрения особого гена, который препятствует развитию паразитов, вызывающих болезнь. Однако ученые поставили перед собой огромную задачу: внедрить трансгенные особи в огромную природную популяцию комаров земного шара.

В условиях эксперимента ген был передан половине лабораторных комаров в 12 поколениях. Это очень вдохновляющее технологическое достижение; оно открывает дорогу к решениям многих глобальных проблем в медицине. В будущем, возможно, удастся внедрить ген, благодаря которому комары будут кусать животных, а не людей.

До широкого применения новой технологии еще довольно далеко. Помимо всего прочего, общество не вполне созрело для подобных генетических манипуляций. Однако

По прогнозам британских ученых, каждый пятый житель страны сможет побить рекорд продолжительности жизни. Каждый пятый подданный Королевы, которому сейчас меньше 16 лет, доживет до 100-летнего возраста. Такая судьба уготована 11 миллионам британцев; 900 тысяч уже перешагнули рубеж 65 лет.

Между тем ученые и руководители учреждений здравоохранения полны сомнений: мы идем к лучшему миру или миру, полному несчастий? Страна задыхается от хронических болезней и раздавлена весом пенсионных проблем; в течение пяти лет пенсионный возраст повысится с 66 до 70 лет. Общество обречено на увеличение налогового бремени. В Европе люди живут в среднем до 77 лет, но лишь до 60 организм не требует большой заботы. И эти ножницы будут раздвигаться.

Телефонные компании уже сейчас инвестируют огромные средства в лечение через мобильный телефон. Больше не придется терять время в больницах. Мониторинг болезней и их лечение будут осуществляться при помощи устройств, которые каждый может иметь дома или носить в кармане.

Диана Атилл живет в лондонском доме для престарелых, ей 94 года, она писательница. Сейчас она дружит с женщиной, которой испол-

мешает. «То, что когда-то начинается, должно заканчиваться», — говорит писательница.

Согласно новейшим выводам ученых, сидячая работа в течение десяти лет удваивает риск онкологических заболеваний кишечника Дело в том, что длительное сидение повышает уровень сахара в крови и нарушает выделение инсулина, а это канцерогенные факторы. Есть также версия, что сидячий образ жизни — причина внутренних воспалительных процессов, ведущих к опухоли.

Отсюда советы медиков не упускать возможности дать своему организму физическую нагрузку: пользоваться лестницей вместо лифта, сходите с автобуса на остановку раньше, прогуливайтесь в обеденный перерыв, выйдите в парк вместо того, чтобы жевать бутерброд на рабочем месте.

Есть и другие вредные последствия сидячей работы: проблемы с венами (такие же, как у авиапассажиров экономкласса), острые кишечные заболевания (клавиатура компьютера — рассадник бактерий, на ней их в пять раз больше, чем на сиденье унитаза), «индюшачья шея» (если человек подолгу смотрит вниз на книгу или экран монитора, шея покрывается морщинами), ожирение (вызывается не только сидячим образом жизни, но и перегревом), хроническое обезвоживание (тут тоже виноваты центральное отопление и кондиционеры), боль в спине, проблемы с осанкой, «пивное брюшко» (причина — неправильная поза за рабочим столом), отложения жира на ягодицах, геморрой, проблемы со зрением и морщинки вокруг глаз.

Рафаэль

Дама с единорогом

Выставка одной картины всегда вызывает небывалый ажиотаж. Стоит вспомнить, как в Москву привозили «Джоконду» Леонардо — люди выстраивались в огромные очереди, чтобы увидеть загадочный портрет. И вот в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выставлен еще один шедевр итальянского Возрождения. «Дама с единорогом» кисти великого Рафаэля (из собрания Галереи Боргезе, Рим) встречает посетителей зала итальянского и византийского искусства.

Этот проект, осуществленный при содействии Посольства Италии в России и инициированный лично Послом господином Антонио Дзанарди Ланди, открыл Год Италии в России. В посольстве Италии в Москве шедевр кисти Рафаэля представляли министр культуры России Александр Авдеев, министр образования Италии Мариастелла Джельмини и посол Антонио Дзанарди Ланди.

Вслед за «Дамой с единорогом» на протяжении четырех лет в России будут показаны шедевры таких крупнейших мастеров, как Антонелло да Мессина, Микеланджело, Тициан, Корреджо, Карраччи, Караваджо, Рени, Бернини, Каналетто, Канова, а также выдающиеся памятники искусства древности из археологических раскопок Рима и Помпей, находящиеся в собраниях музеев Италии.

За последние годы в музее прошел ряд выставок из художественных собраний Италии. Это такие масштабные проекты, как «От Джотто до Малевича» (2005 год) и «Футуризм — радикальная революция. Италия — Россия» (2008 год), а также выставки одного шедевра: «Венера Урбинская» Тициана (Флоренция, Уффици), «Антея» Пармиджанино (Неаполь, Каподимонте), «Портрет неизвестного с серыми глазами» Тициана (Галерея Палатина, Флоренция).

С Галереей Боргезе музеев связывают давние партнерские отношения. Так, совсем недавно в Галерее Боргезе экспонировалась картина Лукаса Кранаха «Плоды ревности» («Серебряный век») из собрания музея.

Рафаэль (1483–1520) — один из величайших мастеров эпохи Возрождения. Его имя еще при жизни стало легендарным, современники называли его «божественным Санцио», а его искусство — воплощением ясной гармонии, уравновешенности, чистоты стиля.

Как истинный сын Возрождения, Рафаэль был разносторонним художником: архитектором, живописцем, рисовальщиком, мастером монументальных росписей. Особую известность он приобрел как портретист. Им созданы такие полотна, как «Святой Себастьян» (Пинакотека Академии Каррара, Бергамо, Италия); «Портрет Бальдассаре Кастильоне», (Лувр, Париж); портрет «Папы Юлиуса II» (Лондонская Национальная Галерея), а также незабываемые женские образы, запечатленные в картинах с изображением Мадонн: «Мадонна со щегленком» (Галерея Уффици, Флоренция); «Мадонна с рыбой» (Прадо, Мадрид); «Сикстинская мадонна» (Картинная галерея, Дрезден)...

Долгое время «Даму с единорогом» приписывали то Перуджино, то Тициану. И только в 1930-е годы было открыто и подтверждено автор-

ство Рафаэля. Обнаружилось, что первоначально художник изобразил даму с собачкой, потом на ее коленях оказалось мифическое существо — единорог (символ целомудрия). Исследователи видят в этом полотне следы влияния знаменитой «Моны Лизы» Леонардо да Винчи. Сходство — в размещении модели в пространстве на фоне пейзажа, в общем пространственном решении. Но Рафаэль создает совсем другой образ — образ чистой красоты. Она во всем: в правильных пропорциях прекрасного лица, спокойном взгляде, обращенном к зрителю, но не ищущем встречи с ним; завораживающем колорите, в сочетании красок, которые рождают ощущение изысканности и утонченного вкуса.

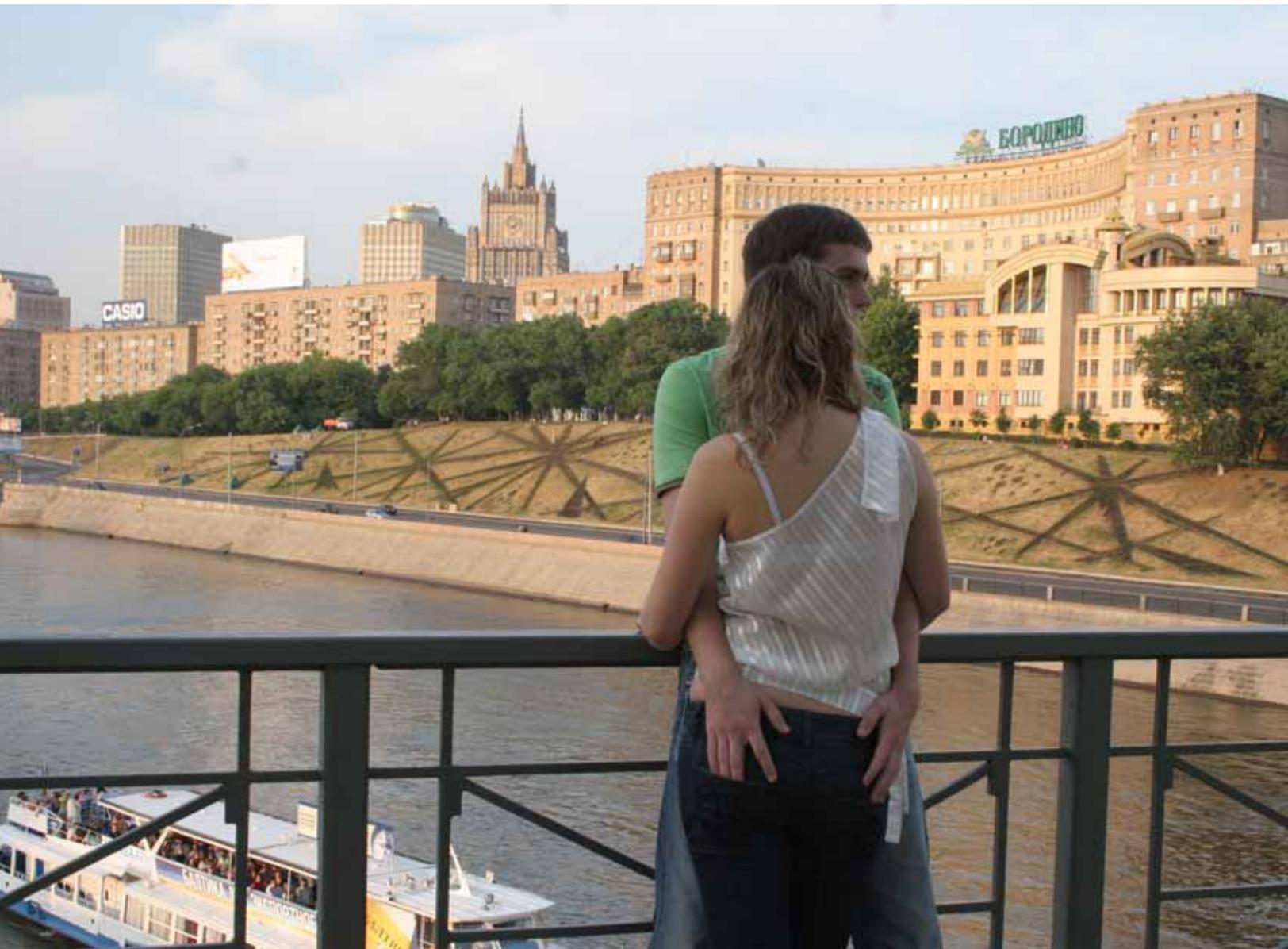
У «Дамы с единорогом» (1505–1506) весьма сложная судьба. В 1897 году Джованни Морелли впервые ввел шедевр в искусствоведческую традицию, однако имя Рафаэля она обрела позднее, уже в XX веке, благодаря замечательной интуиции Роберто Лонги. В 1930-е годы были обнаружены позднейшие записи, открывшие сложный процесс изменения созданного Рафаэлем первоначального образа. Интересно, что для изучения этой картины впервые в истории был использован рентген. Реставрация картины позволила вернуть шедевр его подлинный облик. Портрет «Дама с единорогом» был написан художником в период его пребывания во Флоренции. Созданный им образ молодой прекрасной женщины полон очарования и чистоты юности. Это впечатление связано также с таинственным зверьком на ее коленях — единорогом, символом женского целомудрия. Незнакомка, изображенная Рафаэлем, пребывает в полной гармонии с окружающим ее миром.

Особый интерес эта работа Рафаэля вызывает тем, что она является своеобразным диалогом художника с Леонардо да Винчи, жившим в те же годы во Флоренции и только что закончившим свой знаменитый «Портрет Моны Лизы», который не мог не произвести впечатления на молодого художника. «Рафаэль был совсем молодым художником, когда попал во Флоренцию, оказался рядом с Микеланджело и Леонардо и был охвачен улыбкой Джоконды», — говорит Ирина Антонова, директор Пушкинского музея, глядя на подлинник другого знаменитого женского портрета эпохи итальянского Возрождения.

Рафаэль следует за гениальным мастером в размещении своей модели в пространстве на фоне пейзажа, в разделении плоскости картины на отдельные зоны. Он использует уроки Леонардо, по-новому выстраивая в портрете диалог изображенной модели со зрителем, создавая новую образность и иной не обыденный уровень существования своей героини, таким образом поднимая портрет на новый, неизвестный ранее уровень обобщения. Вместе с тем, обращаясь к гениальным находкам своего современника, Рафаэль создает новый тип ренессансного портрета. Огромную роль играет в его портрете колористическое решение. Прославленному «сфумато» (затушеванный, буквально — исчезающий, как дым) Леонардо Рафаэль противопоставляет красочную палитру, построенную на градации чистых светлых цветов и придающую пейзажу ясную прозрачность, которая подчеркивает чистоту и цельность изображенного на его фоне женского образа. Пластическая выразительность портрета усиливает волевое начало героини портрета «Дама с единорогом» в противовес Моне Лизе Леонардо с ее сложным внутренним миром, скорее остающимся тайной для зрителя.

Л. Осипова

Москва майская
Фото Владимира Воронова